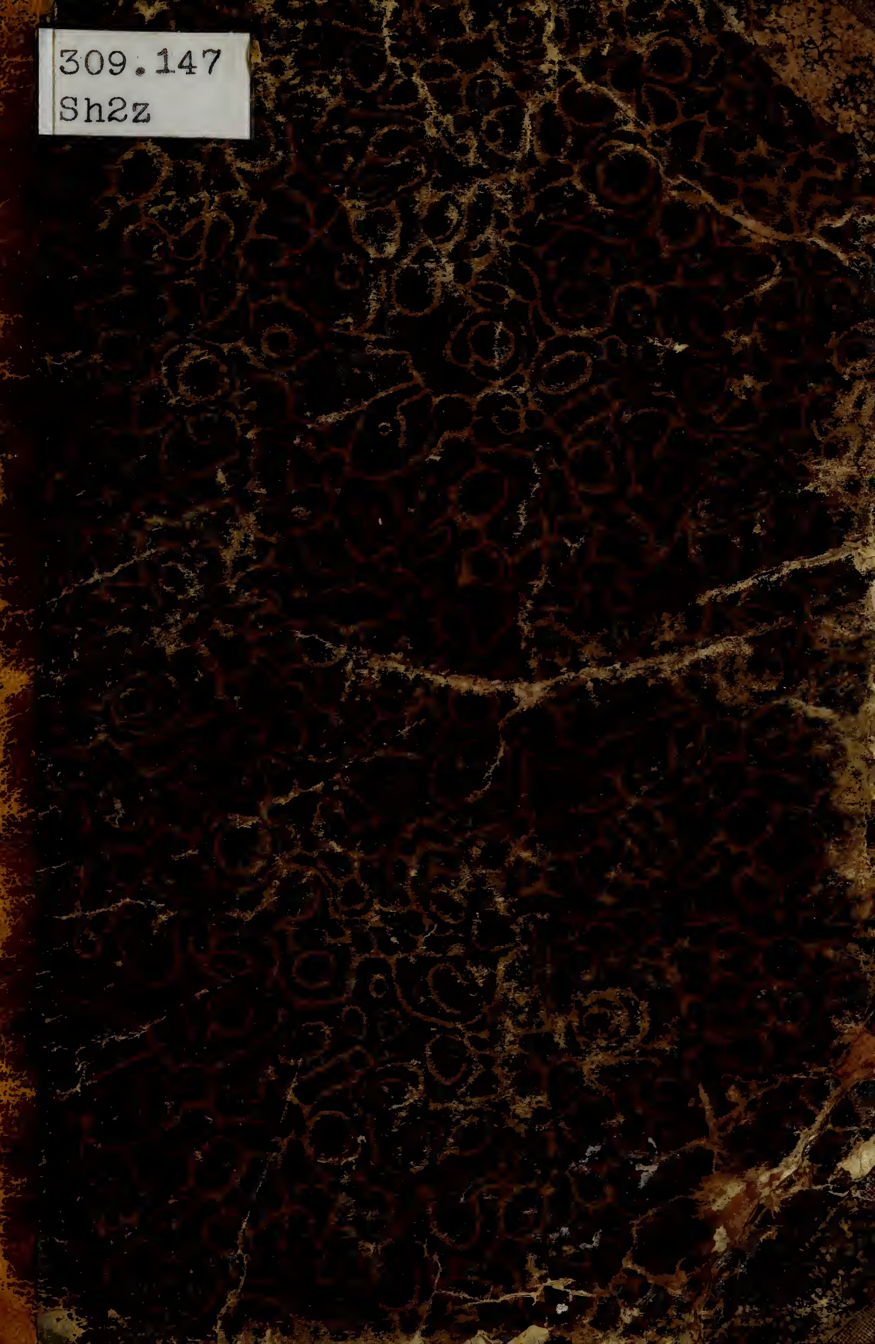
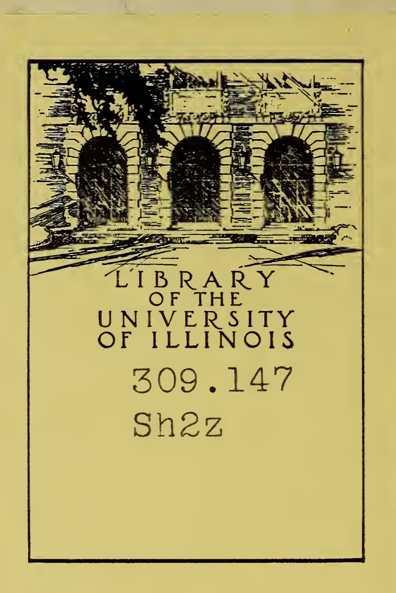

309.147
Sh2z



LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS
309.147
Sh2z

ЗЕМСТВО И РАСКОЛЪ.

А. Щапова.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

ИЗДАНІЕ Д. Е. Кожанчикова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Товарищества «Общественная Польза».

1862.

московскаго государства, и выборные, и невыборные, всѣ земскіе люди, отъ мала до велика, что у всѣхъ Богъ вложилъ въ сердца одну мысль».

Къ прискорбію народному, недолго продолжалась эта радость земская. Черезъ пять лѣтъ обнаружилась *скорбь конечная*. Общинно-областной челобитный голосъ народный скоро дошелъ до слуха новоизбраннаго царя и побудилъ его, въ 1619 году, созвать соборъ для обсужденія различныхъ вопросовъ *о земскомъ устроеньи и о многихъ статьяхъ, чтобъ въ государствѣ многія статьи поправить къ покою и къ строенью людямъ*. На этомъ соборѣ самъ царь изобразилъ печальное состояніе народа въ такомъ видѣ: «Судьбами божіими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, московское государство разорилось и запустѣло; а подати всякія и подмоги ямскимъ охотникамъ берутъ съ однихъ по писцовымъ книгамъ: однимъ тяжело, а другимъ легко; а дозорщики, которые послѣ московскаго разоренья посланы были по городамъ, дозирали и писали по дружбѣ, за иными легко, а за дру-

гими, по недружбѣ, тяжело. *И отъ того всякимъ людямъ московскаго государства скорбь конечная*... Изъ нѣкоторыхъ заукрайныхъ городовъ посадскіе и всякіе люди бьютъ челомъ о льготѣ; а иные многіе люди бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобъ ихъ пожаловать велѣть отъ сильныхъ людей оборонить». Такимъ-образомъ, тяглые земскіе люди, на первой же порѣ, послѣ избранія царя, почувствовали скорбь и тяготу отъ тягла *государевой казны*, отъ злоупотребленій государевыхъ чиновниковъ, писцовъ и дозорщиковъ, отъ насилія бояръ. На первой же порѣ они подали и голосъ свой объ этомъ. Мощь энергія юной, кипучей, свободной жизни народа, не терпѣла насилія, произвола и сдержки. А избраніе царя волей народа, всею землею, по записи совѣта всей земли, жизненная народная потребность новаго соединенно-областнаго *земскаго строенья*, на свободныхъ, излюбленныхъ самимъ народомъ началахъ любви, совѣта и соединенія, естественное, жизнью народною требуемое и выработанное, право на мѣстные зем-

скіе совѣты и на общіе земскіе соборы, наконецъ изстаринное, жизненно-народное право общинно-областной земской челобитной гласности передъ правительствомъ — все это, естественно, неотъемлемо уполномочивало областныя общины смѣло вопіять къ избранному народомъ царю, протестовать противъ произвола, насилія и стѣсненій; представлять различные интересы и потребности мѣстной областной жизни; сообщать мѣстно-областные, жизненно-народные матеріалы для законодательства; подавать мѣстно-областные совѣты общему земскому совѣту и царю; требовать на живые, свободные, прямые вопросы жизни прямыхъ, свободныхъ, живыхъ отвѣтовъ царя, правительства.

И вотъ, областныя общины, втеченіи всего XVII столѣтія, неумолчно и смѣло вопіяли къ царю въ своихъ общинныхъ, земскихъ челобитныхъ. Смѣло и неумолчно высказывали онѣ всѣ разнообразныя, земско-областныя неустройства, разладицы свободы земства съ приказнымъ произволомъ, свободы земскихъ *животовъ и промысловъ съ запросами и прибылью государевой*

казны, льготы съ тягломъ, свободы торговли съ таможенными сборами и заставами, и проч. Всѣ великорусскія областныя общины по изстаринному, выработанному общинною жизнью принципу земско-областной, общинной гласности и требовательности, смѣло и откровенно высказывали въ своихъ земскихъ, общинныхъ челобитныхъ всѣ неудовольствія, страданія, протестаціи, нужды и просьбы, сообщали правительству мѣстно-жизненные матеріалы для земскаго строенія. По-временамъ, голосъ земства смѣло раздавался и на земскихъ соборахъ.

При обиліи и разнообразіи вопросовъ новаго соединенно-областнаго земскаго строенія, и самыя земско-областныя челобитныя были почти безчисленны и повсемѣстны, и вопросы, ими поднимаемые, чрезвычайно-разнообразны, какъ разнообразны были мѣстныя особенности и интересы областныхъ общинъ. Повсюду, въ областяхъ, волостные и городскіе люди, тогда еще жившіе земско-общинною жизнію, по изстаринной колонизаціонной связи, по нераздѣльности и свободной выборности городскаго или сельскаго

поселенія и промысла, по общинности и тожественности быта и интересовъ — повсюду, говоримъ, въ областяхъ, городскіе и волостные люди, посадскіе и крестьяне, вмѣстѣ сходились на земскіе совѣты въ города. Здѣсь они составляли общинно-областныя челобитныя, выбирали излюбленныхъ, довѣренныхъ ходоковъ *во всѣхъ мѣсто*, и посылали ихъ съ челобитными въ Москву, къ царю. Акты XVII вѣка наполнены этими общинно-областными челобитными, такъ же, какъ ими наполнены были московскіе приказы, и вособенности, нарочно для того устроенный въ XVII вѣкѣ *Челобитный Приказъ*. И сколько въ этихъ земскихъ челобитныхъ высказалось энергіи народной жизни, смѣлой протестаціи и требовательности, жизненной правды и прямоты народной думы, наконецъ, практической способности областныхъ общинъ къ представительству своихъ мѣстныхъ нуждъ и интересовъ, къ подачѣ практическихъ, жизненныхъ совѣтовъ правительству въ дѣлѣ земскаго устроенія. Вотъ, напримѣръ, ямскіе охотники, поселившіеся отъ Перми до Верхотурья, для отправленія госу-

дарственной ямской гоньбы, для перевозки припасовъ, колонистовъ и приказныхъ людей въ Сибирь, безпрестанно шлютъ къ царю челобитныя *во всѣхъ мѣсто*. Они сильно протестуютъ противъ неправильнаго распредѣленія ямовъ, пространства ямскихъ разгоновъ, противъ несообразности ихъ съ мѣстными топографическими условіями, откровенно выставляютъ правительству на видъ его несообразительность съ мѣстными областными условіями и даже совершенное незнаніе этихъ мѣстныхъ особенностей; раскрываютъ правительству, какъ лучше, удобнѣе, сообразнѣе съ мѣстностью устроить отправленіе ямской гоньбы; чрезвычайно-изобразительно описываютъ неисправность, неудобства дорогъ и мостовъ, жалуются на крайнюю обременительность и разорительность для нихъ ямской гоньбы, вопіютъ, что она «не въ мочь имъ и ихъ лошадямъ, которыя на дорогахъ издыхаютъ», что, просто, имъ остается только *брести врозь*. Вотъ, земскіе люди древней вольной новгородской колоніи, земли важской, шлютъ въ Москву съ земско-областной челобитной мірскихъ посыль-

щиковъ «*во всѣхъ важанъ* — шенкурской, кокшенской, подвинской и верховажской чети — *крестьянъ мѣсто*». Жалуются, протестуютъ они противъ того, что царскіе приказчики и ихъ тіуны завели у нихъ на Вагѣ никогда небывалую прежде пошлину, не даютъ имъ свободно ѣздить въ Холмогоры съ хлѣбомъ, сермяжными суконами, съ овчинами и съ масломъ, а назадъ не даютъ свободнаго проѣзда съ солью, — берутъ съ нихъ, съ хлѣба, съ скотины и со всѣхъ товаровъ пошлину на Вагѣ, во всѣхъ четвертяхъ и по волостямъ, и оттого-де у нихъ и промыслы стали; никто, затѣмъ, ни откуда, ни съ какими товарами къ нимъ не ѣдетъ, и имъ остается только всѣмъ *брести врознь*. А тамъ, другія областныя общины шлютъ къ царю челобитныя на воеводъ и приказныхъ людей, прямо протестуютъ противъ приказнаго управленія, во имя земскаго самоуправленія и самосуда. Они, сожалѣя о старинномъ правѣ излюбленнаго самоуправленія, требуя возстановить его, пишутъ царю, что у нихъ, въ областяхъ, до московскаго разоренья, приказныхъ людей не бывало, а судили ихъ

мірскіе выборные судьи, и жалуются, что съ-тѣхъ-поръ, какъ стали у нихъ быть приказные люди, имъ отъ тѣхъ приказчиковъ причиняются большіе налоги, убытки, въ посулахъ и кормахъ продажи страшныя — и отъ тѣхъ посуловъ, налоговъ и насильствъ отъ приказныхъ людей они, посадскіе и крестьяне, оскудѣли, не имѣютъ чѣмъ платить царскихъ податей и *хотятъ брести врознь.* Областныя общины готовы были ежегодно платить казнѣ откупу отъ приказныхъ властей рублей по 1,000 и болѣе; только требовали, чтобъ царь освободилъ ихъ отъ приказнаго начальства и предоставилъ имъ право излюбленнаго мірскаго выборнаго самоуправленія и самосуда. А вотъ еще областныя общины шлютъ челобитныя къ царю, протестуютъ противъ приказно-правительственной писцовой отписи или приписи одной мѣстной общины къ другой, для совокупнаго отправленія государственныхъ податей и повинностей, требуютъ земской, территоріальной и мірской, общинной особности и самораспорядительности мірскими розметами и розрубами; выставляютъ прави-

тельству на видъ мѣстную географическую несообразность, неестественность, неудобность писцовой отписи или приписи; жалуются, что такая насильственная припись или отпись нарушала изстаринный, естественно-историческій жизненно-народный колонизаціонный строй областной общины, и т. п. И безчисленное множество подобныхъ общинно-областныхъ челобитныхъ, оглашало слухъ царя въ XVII вѣкѣ. Всего же чаще, общинныя областныя челобитныя были протестаціей земства противъ воеводъ и другихъ приказныхъ властей, и воплемъ мѣстныхъ хозяйственныхъ интересовъ и нуждъ противъ централизующей, всепоглощающей прибыли государевой казны. Вопіяли, вопіяли такимъ-образомъ земскія общины, и въ концѣ каждой своей челобитной, какъ-бы стращая государя, прибавляли: «и оттого земскіе люди *обнищали и оскудали до конца, домы свои бросаютъ и бредутъ врознь*.

Вопія разнообразными областными челобитными, земскія общины, по временамъ,—какъ мы сказали,—выражали свои протестаціи и требо-

ванія на земскихъ соборахъ. Такъ на земскомъ соборѣ 1642 года, выборные отъ нихъ громко, сильно вопіяли противъ приказныхъ царскихъ дьяковъ, разбогатѣвшихъ на счетъ посуловъ, взятокъ съ народа, построившихъ на счетъ жалованныхъ имъ земель и деревень «палаты каменныя такія, что неудобь сказаемыя»; вопіяли противъ *лежачей домовой казны* патріарховъ, митрополитовъ, архіереевъ и монастырей; вопіяли противъ царскихъ дворовыхъ приказчиковъ, разбогатѣвшихъ, въ ущербъ тяглымъ людямъ, отъ жалованныхъ вотчинъ, отъ приказныхъ службъ, отъ разныхъ поборовъ съ народа; вопіяли противъ всѣхъ привилегированныхъ чиновъ, разбогатѣвшихъ и *отяжелѣвшихъ* отъ богатства, на счетъ жалованныхъ имъ земель и крестьянскихъ деревень. Вопіяли общинно-областные выборные на земскомъ соборѣ противъ всѣхъ этихъ жалованныхъ привилегированныхъ властей и чиновъ, и требовали, чтобы и на нихъ на всѣхъ наложены были государственные сборы, наравнѣ съ тяглымъ земствомъ. Далѣе, земскіе выборные вопіяли на соборѣ и противъ без-

престанныхъ и разныхъ приказныхъ службъ городовыхъ, отвлекавшихъ торговыхъ и промышленныхъ людей отъ торговъ и промысловъ; вопіяли противъ разныхъ обременительныхъ сборовъ и повинностей, противъ разныхъ казенныхъ работъ и дѣлъ, и почти отказывались отъ новыхъ ратныхъ сборовъ; вопіяли противъ безотчетнаго употребленія и расточенія на мѣстѣ народныхъ податей и сборовъ, и требовали мѣстнаго контроля надъ казной выборными отъ тяглыхъ земскихъ людей. Наконецъ, особенно-сильно вопіяли на соборѣ гости всѣхъ сотень и торговые люди всѣхъ городовъ противъ воеводскаго управленія въ городахъ, противъ ихъ вреднаго вмѣшательства въ дѣла торговли и промысловъ; прямо говорили царю: «а въ городахъ всякіе люди обнищали и оскудали до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ; а торговые люди, которые ѣздятъ по городамъ для своихъ торговыхъ промысловъ, отъ ихъ же воеводскаго задержанья и насильства въ проѣздахъ, торговъ своихъ отбыли». Протестуя противъ воеводъ, выборные отъ городовъ напоминали царю

про свое прежнее городовое право самоуправленія и самосуда, говорили: «а при прежнихъ государяхъ, въ городахъ вѣдали губные старосты; а посадскіе люди судилися сами промежь себя, а воеводъ въ городахъ не было». Вопіяли, вопіяли, такимъ-образомъ, на земскомъ соборѣ тяглые земскіе люди, и, въ заключеніе своихъ рѣчей, опять говорили вслухъ царя: «и отъ тѣхъ твоихъ государевыхъ безпрестанныхъ службъ и сборовъ всякіе тяглые люди *оскудѣли и обнищали* до конца, и отъ той большой бѣдности многіе тяглые люди *разбрелися розно, и дворишки свои бросаютъ*». И дѣйствительно, во второй половинѣ XVII вѣка, бѣглыхъ, гулящихъ людей, избылыхъ отъ тягла, бродившихъ врознь, обнищалыхъ, оскудѣлыхъ до конца въ Великорусской Землѣ стало множество. Акты этого времени наполнены грамотами *о сыскѣ бѣглыхъ*, также какъ ими наполнены были и Приказъ Сыскныхъ Дѣлъ и Приказъ Разбойный.

На земскомъ соборѣ 1648 года, выборные отъ областныхъ общинъ еще разъ подали царю земскую челобитную. Въ челобитной этой они

сильно протестовали противъ экономическаго неравенства, розни между тяглыми и льготными классами земства; требовали равенства государственно-экономическихъ правъ для всего земства; требовали, чтобъ «всякіе торговые и промышленные люди — и владычни, и боярскіе, и княженецкіе, и кабацкіе откупщики — всѣ были въ тяглѣ и въ свободахъ или льготахъ *вмѣстѣ равно* съ тяглыми черными общинами, — чтобъ *во всемъ народѣ мятежа и розни не было.*

На вопль земскихъ общинно-областныхъ челобитныхъ, на голосъ земскихъ соборовъ, вто̀рили тоже и частные люди, помышлявшіе о земскомъ устроеніи, о недостаткахъ и потребностяхъ земства. И они заступались за права и потребности массы народной. Такъ напр., въ *Словѣ о правдѣ*, приписываемомъ духовнику царя Алексѣя Михайловича, протопопу Стефану Вонифатьеву, читаемъ: «Если царь нашъ вѣрою правъ, то онъ долженъ нелѣностно изыскивать и разсматривать все, что̀ относится къ общему благополучію всѣхъ его подданныхъ. Не о благѣ однихъ вельможъ пещись, но и о всѣхъ до

самаго послѣдняго. *Ибо вельможи нужны; но они никогда не удовольствуются одними своими трудами. Прежде же всего нужны земледѣльцы:* отъ ихъ трудовъ производится хлѣбъ; *а хлѣбъ главизна всѣхъ благъ.* Земледѣльцы безпрестанно переносятъ различныя работныя бремена: то даютъ денежные оброки, то ямскіе сборы, то другое что-либо. А эти люди (вельможи), если когда бываютъ посланы за царскими сборами, то сверхъ царскаго указа и себѣ много собираютъ съ земледѣльцевъ; также и тѣ, которые посылаются для прокорма коней; *на ямскіе расходы много серебра выходитъ.* Много также обиды бываетъ земледѣльцамъ и отъ того, что когда царскіе землемѣры-писаря ѣздятъ по своему землемѣрному дѣлу, то отмѣриваютъ царскимъ воинамъ землю и всякому полагаютъ землю врознь, и отъ того много медлятъ и много корму у крестьянъ съѣдаютъ. О многихъ царствахъ мы читали, а такого злоупотребленія не знаемъ. *Ямской порядокъ должно устроить весь подробно по росписанію отъ города до города. И тѣмъ, которые въ горо-*

дахъ торгуютъ, скупаютъ и прикупами богатѣютъ, и имъ должно носить этотъ яремъ между всѣми городами; ибо владѣютъ бо̀льшими прибытками. *Кромѣ же этого ярма, никакимъ другимъ лишеніямъ да не подвергаются*, но пусть во всѣхъ городахъ безъ всякихъ воздаяній покупаютъ и продаютъ. Такимъ-образомъ всякій *мятежъ земскій* умалится и писаря уменьшатся, сборы сократятся и взятокъ не будетъ». Извѣстно также, въ какомъ поучительномъ видѣ изобразилъ состояніе Московскаго государства Котошихинъ. Извѣстно, равнымъ образомъ, и замѣчательное политико-экономическое сочиненіе «О Московскомъ государствѣ» Юрія Крыжанича, въ которомъ онъ подробно изобразилъ недостатки и потребности всего земства — торговцевъ, посадскихъ и крестьянъ; смѣло говоритъ, между-прочимъ, о *поправленіи тиранства и злаго владанія*; указываетъ средства для этого въ политической свободѣ, или, какъ онъ выражается, *въ слободинахъ*, то-есть въ льготахъ и вольностяхъ народныхъ; сильно нападаетъ на *лакомость* или *людодерство* приказнаго началь-

ства, жившаго, — по его словамъ, — *отъ продаванія правды,* и проч.

И дѣйствительно, нельзя было не вопіять земскимъ людямъ въ XVII вѣкѣ, особенно со второй половины этого столѣтія. Московская централизація начинала сильно поглощать, сдавливать, стягивать областную жизнь. Повсюду въ областяхъ введено было воеводское управленіе, — вмѣсто прежняго выборнаго самоуправленія и самосуда. Вольнонародная колонизація и свободное самоустройство городскихъ и сельскихъ общинъ, окончательно замѣнились приказно-правительственной, преимущественно военно-стратегической колонизаціей, казеннымъ *городовымъ дѣломъ, указнымъ* устройствомъ городовъ, острогові, и т. п. Равноправное, свободное экономическое саморазвитіе земства сильно подрывалось несправедливымъ, вопіющимъ разъединеніемъ земства на тяглыя и льготныя общины; неравныя государственныя условія экономическаго состоянія общинъ и частныхъ людей, порождали вопіющее экономическое неравенство въ народѣ: порождали множество *голутвенныхъ,*

обнищалыхъ, оскудѣлыхъ до конца людей рядомъ съ *отяжелѣвшими* отъ богатства привилегированными людьми. Экономическіе интересы земства поглощались интересами и прибылью государевой казны; доходы народные стягивались тягломъ, податями, или тяглами и разными сборами въ государеву казну. Сильно развивалась монополія казны, напр. въ кабацкихъ откупахъ, во многихъ промыслахъ, особенно сибирскихъ и поморскихъ. Господствующимъ мотивомъ, принципомъ казны въ распоряженіи земскими доходами, стало правило: *какъ бы государевой казнѣ было прибыльнѣе.* Истязательность, запросливость казны доходила до такого воззванія къ земскимъ людямъ: «хотя нынѣ промысловъ своихъ убавьте, да дайте денегъ казнѣ». Народъ, недовольный кабацкими откупами и сборами въ пользу казны, переставалъ иногда пить царское вино, такъ-что кабацкіе головы и цѣловальники, по причинѣ малыхъ кабацкихъ сборовъ, доносили царю: «а въ твоихъ, государь, царскихъ кабакахъ питуховъ мало»; а царь строго упрекалъ воеводъ за недостатокъ кабацкихъ

сборовъ въ такомъ, напримѣръ, тонѣ: «вамъ бы гдѣ искать передъ прежнимъ прибыли, а вы кабаки хотите отставить, чего прежде не бывало». Началась, дальше, сословно-записная, или сословно-разъединительная систематизація и разсортировка земства. Вольныя народоправныя *черныя волости*, къ концу XVII вѣка, окончательно раздѣлены были на классы крестьянъ— помѣщичьихъ, казенныхъ и дворовыхъ. Систематически совершалось сословное и хозяйственно-бытовое раздѣленіе; различіе между горожанами и поселянами, между городами и селами, между городскимъ торгово-ремесленнымъ и сельскимъ земледѣльческимъ трудомъ. Крестьяне окончательно прикрѣплялись къ сельской государевой и помѣщичьей землѣ, посадскіе — къ посадской, городской землѣ. Крестьянамъ запрещалось имѣть осѣдлость въ городахъ, на посадахъ, устроивать, покупать и нанимать лавки въ рядахъ, и позволялось только *наѣздомъ* продавать свои товары, съ возовъ и струговъ, на гостиномъ дворѣ. Крестьянъ, свободно, самовольно селившихся въ городѣ, на посадѣ, для

промысла или торга, велѣно *свозить* въ деревни; посадскихъ, свободно, самохотно селившихся въ селахъ и деревняхъ, велѣно *свозить на посады*, кто гдѣ жилъ. Вмѣстѣ съ начаткомъ постояннаго, регулярнаго войска, начало организоваться и военное сословіе, солдатство. Вслѣдствіе признанія преступленіемъ прежняго свободнаго поставленія въ попы и дьяконы земскихъ людей, крестьянъ и даже рабовъ, вслѣдствіе строгихъ указовъ о ставленникахъ и «записныхъ книгъ новоставленнымъ попамъ и дьяконамъ», совершалось сословное прикрѣпленіе духовенства къ Церкви, систематическое отдѣленіе, обособленіе его отъ земства, какъ особой сословной касты. Вслѣдствіе раздѣленія земскаго и церковнаго элемента, духовенство теряло нравственную силу и вліяніе на земство нравственно падало; земство отдѣлялось, обособлялось отъ духовенства, предавалось больше умственному и религіозному вліянію своихъ народныхъ грамотниковъ, чѣмъ попамъ и монахамъ. Наконецъ, образовалось особое сословіе служилаго и приказнаго городоваго дворянства. Бояре, дѣти

боярскіе и приказные люди въ приказныхъ служ-бахъ и въ помѣстьяхъ владычествовали надъ народомъ, обогащались на счетъ народа; боярство стремилось пріобрѣсти перевѣсъ надъ земствомъ. Московскіе знатные бояре дѣлались временщиками при дворѣ царя. «Царь молодой — говорили тогда нѣкоторые земскіе люди — смотрѣлъ все изо рта бояръ Морозова и Милославскаго». Такимъ-образомъ, *земское устроенье къ покою людямъ*, обѣщанное царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ на соборѣ 1619 года, не ладилось, или ладилось бо́льшею частью не въ духѣ земства. Произошло даже раздѣленіе между *государевымъ*, *царственнымъ* и народнымъ, *земскимъ дѣломъ*, — раздѣленіе офиціальное, высказанное самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Этотъ царь не далъ и той записи, какова учинена была по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 года; по словамъ Котошихина, «государство свое правилъ по своей волѣ, и того ради писался *самодержцемъ*; въ его волѣ, чего хотѣлъ, то и могъ сдѣлать». Издавъ «Уложеніе», онъ дозволилъ выборнымъ земскихъ, въ числѣ

315 человѣкъ, только выслушать его, да подписать. Въ «Уложеніи» (скажемъ словами графа Завадовскаго) написаны были законы не для свободныхъ гражданъ, а для рабовъ; кнутъ, избранное орудіе во исправленіе судей и тяжущихся и ко извлеченію по дѣламъ истины, полагаемъ былъ дѣйствительнѣйшею принадлежностію суда. Для поддержанія суевѣрія, установлены тамъ нелѣпыя предписанія, и для праздныхъ людей и обитающихъ въ печальныхъ изувѣрства убѣжищахъ, узаконены за учиненную ими самомалѣйшую обиду пени, часто приводившія въ нищету неимущихъ и обогатившія отрекшихся отъ міра». Неудивительно послѣ этого, что до 160-ти человѣкъ протестовали противъ «Уложенія» и заточены были въ Соловецкій монастырь.

Вмѣсто *земскаго строенья*, въ духѣ народномъ, по волѣ, по общинно-областнымъ, земскимъ челобитнымъ народнымъ, царь Алексѣй Михайловичъ *всякія дѣла, великія и малыя* — по словамъ Котошихина, — *по своей мысли учинялъ, какъ хотѣлъ;* первый, больше всѣхъ своихъ предшественниковъ — московскихъ государей, сталъ вво-

дить, какъ тогда говорили, *иноземскія измѣненія, нѣмецкіе обычаи и поступки, нѣмецкіе чины иночиновны, Нѣмцевъ и прочіе языки, яко благодѣевъ, принималъ и честію веліею почиталъ.* Это *учиненіе по мысли и волѣ* царя Алексѣя Михайловича, безъ *совѣта съ земскими думными людьми,* вопреки естественно-историческимъ, жизненно-народнымъ, изстариннымъ началамъ *земскаго строенья,*—это *учиненіе* чиновъ и судовъ и обычаевъ иночиновныхъ, нѣмецкихъ, сильно возмущало земскихъ людей. Они не были врагами собственно-иностранцевъ, европейцевъ; напротивъ, гости, торговые русскіе люди сами ѣздили въ XVII вѣкѣ за границу, въ Голландію и Англію; немного спустя, даже между расколоучителями были ученые иноземцы, хорошо знавшіе *люторскую вѣру,* французскій и нѣмецкій языки. Но русскіе земскіе люди возмущались этимъ *нѣмецкимъ учиненіемъ* русскаго *земскаго строенья,* не *сочинявшагося отвлеченно,* а создававшагося жизнью всего народа, цѣлаго земства, своеобразно развивавшагося изъ духа народнаго. Вотъ почему,—по словамъ одного хроно-

графа,— въ 1665 г. къ царю Алексѣю Михайловичу приходилъ какой-то *мужъ мудрый* и совѣтовалъ ему «не вводить, не учинять въ гражданствѣ иноземскіе обычаи, чины и суды иночиновны».—«Что будетъ въ гражданствѣ?» спросилъ его царь. «Въ гражданствѣ,—отвѣчалъ *мужъ мудрый:*—будутъ тайныя похищенія скипетровъ людей; вельможныхъ будетъ постигать, какъ естественная, такъ и напрасная смерть. Затѣмъ послѣдуютъ великія молвы, смущенія и *различныя постановленія уряду городскаго, послѣдуютъ ненавистныя, въ поношеніе и укоризну учиненныя, законоположенія, добрыхъ обычаевъ смущенія и мерзкихъ прозябенія*. А изъ-за этого, будутъ великія скопища, сходы многонародные *чувствительные*. Богъ да избавитъ, чтобъ не выскочило оттуда какое-нибудь зло опредѣленное. Тогда вельможамъ, боярамъ, начальникамъ пагубно будетъ; гдѣ будетъ судъ и правда, тамъ и бранямъ не будетъ конца! Подданные возстанутъ противъ правителей *за то, что сердца ихъ сильно опечалены и тоскою наполнены*. Хотя нѣкоторые вельможи и помыслятъ объ упокоеніи

уставительномъ, и всяку жилу натянутъ, чѣмъ бы колеблимый народъ могъ успокоиться, но мало помогутъ. Притомъ, будутъ сборища, казна истощится, и мучители, которые сильно возсвирѣпѣютъ, погибнутъ».

Наконецъ, въ добавокъ къ общимъ мотивамъ недовольства, простой народъ отягощенъ и раздраженъ былъ, въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича, повышеніемъ акцизной пошлины на самую жизненную потребность — на соль. Безсовѣстные чиновники, въ родѣ главнаго судьи въ Земскомъ Приказѣ, Плещеева, и управляющаго Пушкарскимъ Приказомъ, Траханіотова, страшно обижали и притѣсняли простой народъ до крайняго разоренья. Бояре задерживали народныя челобитныя. Въ приказахъ судныхъ не было правосудія, а къ царю простой народъ не допускали.

Все это вызывало громкій челобитный вопль земства, а за воплемъ — недовольство, раздраженіе и возстанія. Вопіяли, вопіяли, такимъ-образомъ, земскіе люди и на земскихъ соборахъ, и въ общинно-областныхъ, земскихъ, и въ част-

ныхъ челобитныхъ. Не услышали они жалованнаго слова; не получили успокоительнаго отвѣта на свои челобитныя; не получили правильнаго, цѣльнаго и прочнаго земскаго строенья. И вотъ, вслѣдствіе разъединенія, раздѣленія *государева и земскаго* дѣла, вслѣдствіе нестройности, неладности земскаго устроенья,—въ земствѣ произошелъ разладъ и расколъ. Начались народныя движенія, бунты, ознаменовавшіе царствованіе Алексѣя Михайловича и почти всю вторую половину XVII-го столѣтія. Весьма-многіе земскіе люди съ этого времени часто «государеву указу и повелѣнію учинялись противны, и, преступя его крестное государево цѣлованье, про него, великаго государя, износили непристойныя рѣчи, чего и помыслить страшно, и его государевъ указъ ни въ чемъ не слушали....» А тамъ, далѣе, ужь глухо слышалось страшное слово: «Антихристъ!»

Взбунтовались сначала въ Москвѣ земскіе люди *всею землею*. «1648 года мѣсяца мая въ 25-й день—сказано въ дворцовыхъ разрядахъ,—грѣхъ ради нашихъ учинилося междоусобство отъ зем-

скихъ людей: просили у государя Земскаго Приказа судью Леонтья Степановна сына Плещеева, и государь указалъ имъ Леонтья Плещеева по ихъ по прошенью отдать, и они междоусобствомъ учинялись быть въ непослушаньѣ, а Леонтья Плещеева убили, и Посольскаго Приказа думнаго дьяка Назарья Чистаго убили, и домы ихъ разграбили, и иные многіе боярскіедомы, и стольниковъ, и гостиные разграбили. И на завтрея, мая въ 26-й день учинилась большая смута, и учали *всею землею* просить у государя убить окольничаго Петра Траханіотова. И Петра Траханіотова велѣлъ государь имъ отдать, и они на площади Петра казнили». Разъяренный народъ останавливалъ самого государя на поѣздѣ, схватывалъ за узду его лошадь, держалъ царя за пуговицы, и кричалъ: «На кого же намъ надѣяться, какъ не на тебя, царь!» Отъ разъяренности массы,—по словамъ Котошихина,—«и царица, и царевичи, и царевны заперлися сидѣли въ хоромѣхъ въ великомъ страху и боязни».

Вслѣдъ за московскимъ бунтомъ—бунтъ коломенскій, бунтъ въ Псковской Землѣ, бунтъ въ

Новгородской Землѣ, бунтъ въ Устюгѣ, бунтъ въ Сольвычегодскѣ.. Словомъ, *міръ весь закачался*,— какъ говорилъ тогда одинъ изъ бунтовщиковъ. Бунты произошли во многихъ городахъ. По словамъ одного акта, «учинилась на Москвѣ *и по городамъ* брань междоусобная, и донынѣ *по городамъ* мятежъ».

По географической раздѣльности областей, по разрозненности мотивовъ, разрозненные мѣстные бунты не могли объединиться въ одну общую оппозицію недовольнаго земства. Потому они скоро, одинъ за другимъ, были прекращены... И, казалось, настало безмятежное, мирное время.

Въ это время, въ тиши, на московскомъ книгопечатномъ дворѣ, возникаетъ первый толкъ, первое согласье *раскола*.

Никто тогда не думалъ, не гадалъ, что это будетъ могучая, страшная общинная оппозиція податнаго земства, массы народной противъ всего государственнаго строя — церковнаго и гражданскаго. Никто тогда не думалъ, что этотъ расколъ возникъ для объединенія, для обобщенія

всѣхъ бывшихъ дотолѣ и будущихъ разрозненныхъ мѣстно-областныхъ народныхъ движеній въ одно общее оппозиціонное согласіе недовольнаго земства, для обобщенія всѣхъ неудовлетворенныхъ, челобитныхъ воплей, желаній, стремленій, недовольствъ, антипатій, протестацій и вѣрованій массы народной въ одну оппозиціонную *общинно-согласную*, церковно-и-гражданско-народную доктрину, съ подраздѣленіемъ только на разные частные толки и согласія. Тогда многіе недовольны были только тѣмъ, что, напримѣръ, Никонъ исправилъ по *греческимъ* церковнымъ книгамъ своеобразныя *великорусскія* мѣстно-областныя разногласія, особенности въ славяно-русскихъ церковныхъ книгахъ и въ старинныхъ народныхъ религіозныхъ обычаяхъ. Равнымъ образомъ, многіе негодовали на то, что царь Алексѣй Михайловичъ вводитъ въ старинное великорусское земское строеніе—*иноземное, нѣмецкое учиненье, нѣмецкіе обычаи и чины.* Но никто тогда не зналъ, что съ-тѣхъ-поръ, со времени патріарха Никона и царя Алексѣя Михайловича, расколъ будетъ вѣковымъ отрицань-

емъ греко-восточной, *никоніанской* и государства, или Имперіи Всероссійской, съ ея иноземскими нѣмецкими чинами и установленіями. Наконецъ, никто тогда не думалъ и не зналъ, что со времени раздѣленія *государева* и *земскаго дѣла*, расколъ возьметъ на себя *земское дѣло* продолжать, развивать, по мѣрѣ возможности, помимо *государева дѣла*, великорусское *земское строенье* новыхъ общинъ, согласій, сходовъ, совѣтовъ, соборовъ, по изстариннымъ своенароднымъ началамъ, путемъ новой колонизаціи, путемъ новой религіозной пропаганды.

А изъ малаго зерна началось развитіе раскола. Сначала небольшое согласье *великорусскихъ, московскихъ* протопоповъ и поповъ возбудило клерикально-іерархическое, *поповщинское* движеніе противъ *греко-кіевскаго* исправленія старыхъ *великорусскихъ* церковныхъ книгъ и противъ суроваго, строгаго патріаршества Никона. Многіе попы, дьяконы, дьячки, особенно такъ-называемые *тяглые*, съ радостью приняли новое *поповщинское* ученіе.

Вопросъ о старыхъ церковныхъ книгахъ, по

которымъ народъ издревле учился грамотѣ въ своихъ земскихъ училищахъ, которыя предки завѣщевали дѣтямъ, скоро сталъ вопросомъ народнымъ, земскимъ. Это тѣмъ скорѣе, что изстари вопросы и дѣла церковныя на Руси считались столько же земскимъ дѣломъ, сколько и церковнымъ. Областныя общины, какъ, напримѣръ, въ смутное время, сами собою, по согласію своихъ земскихъ совѣтовъ, дѣлали религіозныя распоряженія, постановленія. Даже сельскія общины, *по мірскому уложенью*, сами собою установляли для себя религіозныя *заповѣди*, узаконенія, новгородско-поморскія общины, вмѣстѣ съ псковскою, особенно отличались этимъ общиннымъ земскимъ вмѣшательствомъ въ церковныя дѣла. На этомъ основаніи, и вопросъ, поднятый расколомъ, сталъ вопросомъ земскимъ. И тѣмъ болѣе онъ получилъ земское значеніе, что расколъ скоро представилъ передъ народомъ царя Алексѣя Михайловича—Антихристомъ; отвергъ «Уложеніе», по многимъ узаконеніямъ тяжкое для земства, и сталъ за изстаринные великорусскіе земскіе обычаи противъ иноземскихъ, нѣмецкихъ

нововведеній. При томъ же, одинъ изъ сильныхъ расколоначальниковъ, духовникъ царя, протопопъ Стефанъ Вонифатьевъ, — какъ мы видѣли, — заступался за массу земства, за крестьянъ, защищалъ ихъ отъ вельможей, бояръ, писцовъ, ямскихъ сборовъ и расходовъ.

Проникнувъ въ массу земства, вопросъ, поднятый расколомъ, глубоко затронулъ грамотниковъ народныхъ. Начались *толки* грамотниковъ и стали появляться разные *толки* раскола, комбинируясь, обобщаясь въ согласья. Грамотниковъ этихъ, какъ своихъ народныхъ учителей, съ полной вѣрой слушалъ весь простой народъ: слушали земскіе люди, гости, купецкіе и посадскіе люди, крестьяне, стрѣльцы, казаки, и обращались въ согласья раскола. И сталъ расколъ, такимъ-образомъ, *ученьемъ, толкомъ, согласьемъ* земскимъ, народнымъ, жизнью и исторіей массы народной. *Старина* религіозная и мірская, гражданская, была основой этого ученья.

Изъ Москвы, изъ столицы древняго *Московскаго государства, царства,* расколъ быстро распространился по всѣмъ великорусскимъ обла-

стямъ и сталъ принимать *областное* направленіе и устройство. Онъ сталъ осѣдаться, установляться, путемъ новой колонизаціи пустынныхъ мѣстъ, лѣсовъ — въ новые областные скиты, общины *поморскія: стародубскія, донскія, керженскія, казанскія, сибирскія, саратовскія,* и т. д. по изстаринному обычаю, называя московскую раскольничью общину *Москвою.* Главнымъ центромъ и исходнымъ пунктомъ децентрализаціи, областности, мѣстнаго земско-общиннаго, религіознаго и гражданскаго саморазвитія раскола, была *Поморская Область* — древняя колонія вольнаго Великаго-Новгорода, боярскихъ фамилій боровшихся съ Москвою за областную свободу колонія вольныхъ казаковъ и бобылей, средоточіе народоправныхъ *черныхъ волостей.* Въ ней возникло демократическое ученье — *не молиться за московскаго государя-царя.* Въ поэзіи поморскаго раскола изображается борьба Поморья съ Москвой.

Изъ московской клерикально-іерархической *поповщины,* проникнувъ въ массы земства, въ городскія и сельскія общины, сдѣлавшись, помимо

поповъ, *безъ поповъ*, толкомъ грамотниковъ народныхъ, расколъ скоро сталъ *безпоповщиной*. И это направленіе онъ выразилъ опять прежде всего тамъ же, на сѣверѣ, въ Новгородско-поморской Области, гдѣ давно стали появляться безпоповщинскія ученія; гдѣ земскіе люди изстари привыкли жить *безъ поповъ*, ограничиваясь мірскою *часовенною* религіозностью; почему въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII вѣка постоянно означались *дворы поповы пусты*. Притомъ, поморскія черныя волости изстари имѣли псковско-новгородскую привычку къ мірскому общинному самораспоряженію церковными дѣлами, и кромѣ того, съ XVI-го вѣка находились подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, шведскихъ перебѣжчиковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣлавшись великорусскимъ народнымъ ученьемъ, расколъ сталъ отрицаньемъ *грецизма*, или того, что̀ навывается *византизмомъ*. Это потому, что съ XV-го вѣка, со времени паденія Византіи, въ Великороссіи стали ненавидѣть, гнать Грековъ. Извѣстна печальная участь ученыхъ Грековъ, начиная отъ Максима Грека и до Арсенія Грека, противъ котораго мо-

сковскіе расколоначальники особенно вооружились, такъ же, какъ и противъ *малороссійскихъ* кіевскихъ ученыхъ, такъ-что въ имени Арсенія Грека, вмѣстѣ съ именами Никона и царя Алексѣя Михайловича, находили число антихристово—666. По словамъ одного раскольничьяго сочиненія, про Грековъ въ половинѣ XVII-го вѣка даже простой народъ съ насмѣшкою говорилъ, что имъ же нужно учиться у Русскихъ, а не учить Русскихъ.

Съ того момента, какъ расколъ сталъ толкомъ, ученьемъ массы народной, во всѣхъ классахъ ея появились расколоучители. Богатые гости, купецкіе и посадскіе люди, не только сами распространяли расколъ, но и своими капиталами поддерживали, усиливали и устроивали раскольничьи общины, согласья. Таковъ, напримѣръ, былъ великолуцкій купецъ Иванъ Дементьевъ, ученикъ главнаго расколоучителя псковскаго и новгородскаго, протопопа Варлаама. Разъѣзжая по торговымъ дѣламъ по Новгородскому краю, купецъ этотъ,—по словамъ Денисова,—«всебогатый, преизобильный плодъ усу-

губилъ не въ тридесять токмо и шестьдесять, но и во сто прозябаемый, яко и во градѣ, и въ селахъ, и въ весяхъ, и во всѣхъ предѣлахъ новгородскихъ нелѣпостно слово простираше. Откуду убо пребогато показа подвизаніе свое. Колики убо утверди въ древне-православномъ стояти благочестіи! Колики научи новопреданныхъ блюстися догматъ! И не простіи токмо люди, но и честныя и благородныя персоны, и фамильныя и славныя лица въ древнемъ благочестіи всекрѣпко утверди быти». Таковъ точно былъ новгородскій купецъ Лаврентій, «иже—по словамъ Денисова—харчевыми припасами куплю дѣяше: аще и неученъ бяше книгамъ, но книги въ дому имѣя, отовсюду собираше человѣки на книгочтеніе и спасительныя о словесѣхъ божіихъ бесѣды». Таковъ же былъ въ Олонцѣ богатый купецъ Александръ Гуттоевъ, «имѣніемъ—по словамъ Денисова—изобильный и многихъ утвердившій въ благочестіи, откуда слава о ревности онаго происхождаше». И множество, во всѣхъ городахъ, явилось подобныхъ купецкихъ и посадскихъ людей-расколоучителей.

Крестьяне, въ родѣ восхваляемыхъ Андреемъ Денисовымъ, Василья Лисицына, изъ села Крестецкаго, Евсевія Простаго, каргопольскаго Леонтья и другихъ, также «свободнымъ языкомъ похваляли древнюю вѣру, аще въ бесѣдахъ, аще на торжищахъ, во градѣ, въ селахъ, или гдѣ случалось, ясно разглагольствовали, и прочихъ сосѣдовъ и окрестножителей всежелательно и братолюбно, доброревностно научали новинъ и Никоновыхъ новоправленій весьма отбѣгать».

Дошло до сельскихъ грамотниковъ сильно-распространившееся тогда мнѣніе, «яко бы по тысящѣ лѣтъ Римъ отпаде, яко же книга о вѣрѣ глаголетъ, а по 600 лѣтѣхъ Малая Русь отступи къ Риму, а по 60 лѣтѣхъ и Великая Русь превратися въ разныя нечестія и пестроты многи; послѣднее отступленіе третіяго Рима при Никонѣ подвижеся». И вотъ сельскіе, крестьянскіе грамотники по-своему взяли это мнѣніе въ толкъ, будто «вѣра отпадала триста лѣтъ и, наконецъ, въ ихъ время, отпала». И стали они измышлять свою, новую, русскую *крестьянскую* вѣру, такъ-какъ и греческая вѣра прежде

въ актахъ часто называлась *крестьянскою вѣрою*. Христіанства, въ его подлинномъ, полномъ ученіи, въ греко-восточныхъ преданіяхъ, крестьяне бо̀льшею частью не знали, да и знать не могли, потому-что они,—по словамъ псковскаго архіепископа Маркелла,—какъ «люди зѣло простые», отъ временъ Владиміра и до XVII вѣка научились только именамъ: Христосъ, Богородица, въ молитвахъ своихъ только и произносили эти имена, и молились всякъ по своему разумѣнью, «елико кто̀ что умѣюще». Притомъ, самая большая часть великорусскаго народа была не что̀ иное, какъ крещеная, обрусѣлая Чудь, Финны; слѣдовательно, эта половина крестьянскаго населенія еще менѣе могла познакомиться съ христіанствомъ по греко-россійскимъ церковнымъ книгамъ. По этимъ причинамъ, нѣкоторые изъ раскольниковъ при допросахъ на судѣ прямо сознавались: «прямаго-де христіанскаго ученья, какъ проповѣдуетъ восточная Церковь, и отъ рожденья своего они не слыхали». И вотъ, зная только имя Христа, да слыша изъ апокрифическихъ народныхъ сказаній, будто Христосъ ино-

гда ходитъ по землѣ, является людямъ даже н поляхъ, нѣкоторые крестьяне стали искать Христа, чтобъ онъ показалъ имъ себя видимо.

Сіяла вѣра много лѣтъ
И стала вѣра отпадать
И отпадала триста лѣтъ.
И изъ тѣхъ людей—были люди умные,
И, соединясь между собою тѣсно,
Послали людей на святое мѣсто.
И пришли тѣ люди
Подымать стали руки на небо,
Сзывать Бога съ неба на землю:
«Господи, Господи, явися намъ,
Въ крестѣ или въ образѣ
Было бъ чему намъ молитися и вѣрити».
И бысть имъ гласъ изъ-за облака:
«Послушайте, вѣрные мои:
Сойду я къ вамъ, Богъ, съ неба на землю,
Изберу я плоть пречистую и облекусь въ нее,
Буду я по плоти человѣкъ, а по духу Богъ.
Приму я распятый крестъ,
Въ рученьки и въ ноженьки гвоздильницы железныя,
Пролью слезы горючія.
Станете ли ко мнѣ въ темницы приходить,

И узы съ меня снимать,
Десятую денежку подавать?»

И вотъ, какъ легко въ XVII вѣкѣ демократизмъ массы *разыгрывался игрой* въ самозванцы-цари, такъ точно, простой крестьянинъ Владимірской губерніи, Муромскаго уѣзда, Стародубской волости, Иванъ Тимоѳеичъ Сусловъ, явился религіознымъ самозванцемъ, антропоморфически називалъ себя Господомъ-Христомъ. И съ-тѣхъ-поръ самозванцевъ-Христовъ явилось нѣсколько.

Сошелъ Господь съ неба на землю
И рожденье ему было въ стародубской сторонѣ,
А житіе его было въ бѣлокаменной Москвѣ,
Спознали про него Іудеи на землѣ,
Предали его на муку, на страданье *).

Нельзя видѣть въ этомъ религіозномъ самозванствѣ грубаго богохульства. Скорѣе тутъ выразился миѳологическій антропоморфизмъ. Въ то время, когда вмѣстѣ съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ помѣщиковъ и съ появленіемъ

*) Сусловъ былъ пойманъ, для разспросовъ и пытокъ привезенъ въ Москву къ патріарху Никону и князю Одоевскому, и посаженъ въ тюрьму.

иночиновныхъ званій, отличій и чиновъ, съ усиленіемъ вельможества, *боярства*, личность крестьянина теряла свободу и старинное юридическое равенство съ высшими городскими классами земства, какое неотъемлемо принадлежало свободнымъ крестьянамъ до XVI-го вѣка,—въ то время расколъ, во имя религіознаго и гражданскаго характера своего, возвышалъ личность крестьянъ. Расколъ прославлялъ, возвеличивалъ *простыхъ поселянъ, невѣждъ въ поселянахъ*, въ родѣ Евсевія Простаго; возводилъ ихъ въ святые, такъ же, какъ до XVII вѣка, дѣти крестьянъ, наравнѣ съ дѣтьми князей и бояръ, достигали самаго высокаго почета, прославлялись святыми, чего съ XVII, и особенно съ XVIII столѣтія, крестьяне не сподоблялись. Только расколъ возводилъ личность крестьянъ до апотеозы. Впослѣдствіи, когда личность крестьянская сильно была подавлена, порабощена крѣпостнымъ правомъ, окончательно нарушено было старинное юридическое равенство крестьянъ съ высшими городскими классами земства; когда народныя ученія назывались *дурацкимъ расколомъ*,

слово *мужикъ* и *дуракъ* стали синонимическими и образовалась поговорка: *мужикъ-дуракъ*; когда, вообще, простой народъ назывался *подлымъ народомъ*—тогда это религіозное самозванство *христами-искупителями*, такъ-называемыя *христовщины*, выражали не что иное, какъ миѳическую, религіозно-антропоморфическую персонификацію крестьянскаго народовластія, миѳическое возвышеніе нравственнаго человѣческаго достоинства крестьянской личности, миѳическое возведеніе ея до апотеозы. Эта мысль выражена въ слѣдующемъ народномъ стихѣ:

Дураки вы, дураки,
Деревенски мужики.
Какъ и эти дураки,
Словно съ медомъ бураки;
Какъ и въ этихъ дуракахъ
Самъ Господь Богъ пребыватъ.

Расколъ затронулъ, возбудилъ своеобразную, русскую простонародную фантазію и мыслительность. Вездѣ, по городамъ, селамъ и деревнямъ, на улицахъ, на торжищахъ, въ хоромахъ купецкихъ, въ избахъ крестьянскихъ шли тол-

ки *о послѣднемъ времени.* Словно наступала новая эпоха въ жизни, въ судьбѣ массъ. Сходились на пиръ, на бесѣду, и здѣсь толковали о послѣднемъ времени. И было, впрочемъ, о чемъ толковать, когда началось страшное гоненіе на расколъ.

Какъ у насъ было на семъ свѣту — во святой
Руси,
Во славной матушкѣ — каменной Москвѣ,
Во мѣщанской третьей улицѣ,
Не два солнышка сокатилися —
Тутъ два гостя ликовалися:
Гость Данило Филиповичъ,
Гость Иванъ, сударь, Тимоѳеевичъ.
Въ одно они мѣсто съединилися,
Другъ другу они поклонилися.
Поклоняется Иванъ Тимоѳеевичъ
Дорогому гостю богатому,
Данилѣ Филиповичу:
«Ты добро, сударь, пожаловать
Въ мою царскую палатушку!
У меня все, сударь, приготовлено,
И столы, сударь, разставлены,
На столахъ скатерти накрытыя,
Изготовлены яствы сахарныя

Со нивами со медвяными.
Добро, сударь, пожаловать,
Хлѣба съ солью покушати!
И я радъ твоихъ глаголовъ слушати
Про твое время послѣднее
И про твой божій престрашный судъ».

Начались гоненія на расколъ. Стали раскольниковъ вездѣ отъискивать и ловить.

И когда то времечко пришло,
То до праведныхъ дошло
Стали праведныхъ ловить,
Въ города возить стали и ковать,
Вязать, въ земляны тюрьмы сажать,
Караулы приставлять.

Богатые гости, купцы не щадили денегъ на выкупъ своихъ единомышленниковъ изъ тюремъ и изъ темницъ.

Ужъ какъ по морю, по морю, по синему морю,
По Хвалынскому и житейскому,
Плыли, выплывали гости корабельщики,
Изъ дальнихъ городовъ—израильскихъ родовъ.
Приплывали гости
Къ Ерусалиму граду каменной Москвѣ,
Приходили они къ земляной тюрьмѣ:

«Ай вы, гой еси, караульщики!
Что̀ это у васъ за темницы стоятъ?
Что̀ въ темницахъ за невольники сидятъ?
Про что вы ихъ бьете, про что мучаете?
Что̀ на нихъ пытаете, чего спрашиваете?»
Тутъ отвѣтъ держатъ караульщики:
«Ахъ вы, братцы, корабельщики!
Ихъ про вѣру бьютъ божью истинную,
На нихъ спрашиваютъ самого Бога Христа.»
Стали гости между собою оглядываться,
Выкупать стали, выручать,
И на волю выпущать.

Между-тѣмъ, какъ въ земствѣ усиливался расколъ, то-есть отпаденіе земскихъ людей, какъ тогда говорилось, *отъ государева московскаго государства*, и на̀чалась энергическая, рѣшительная борьба раскола съ силой правительственной, на югѣ, въ степяхъ Донской Украйны, на Волгѣ, собирались народные борцы — казаки и всѣ недовольные царствованіемъ Алексѣя Михайловича. Собирались всѣ тѣ *обнищалые, оскудѣлые до конца и разбродившіеся врознь люди*, которые такъ долго, неумолчно и напрасно вопіяли, въ своихъ земскихъ общинно-областныхъ

челобитныхъ; противъ государственно-экономическаго неравенства земскихъ общинъ и людей. Собирались тѣ голутвенные, обнищалые люди, которые протестовали противъ исключительной привилегированности и льготы отъ тягла однихъ богачей, обогатѣвшихъ отъ жалованныхъ имъ вотчинъ, на счетъ тяглаго земства; *отяжелѣвшихъ* богатствомъ многимъ отъ лежачей домовой казны, и построившихъ на посулы, на счетъ жалованныхъ крестьянскихъ деревень, на счетъ служебнаго приказнаго кормленья, *каменныя палаты, такъ-что неудобь сказаемыя.* Собрались всѣ эти *голутвенные люди* на Донскую Украйну, выбрали атаманомъ Стеньку Разина, и пошли съ этимъ могучимъ предводителемъ вверхъ по Волгѣ, противъ Москвы. И стали они избивать князей, бояръ, воеводъ, всѣхъ приказныхъ людей, всѣхъ богачей, разжившихся на счетъ льготъ и привилегій. Стенька Разинъ объявилъ массамъ: «Я не хочу быть царемъ, а иду только избить всѣхъ князей, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, и хочу сдѣлать васъ всѣхъ равными!»

Тутъ, въ бунтѣ Стеньки Разина, расколъ явился

ужь объединяющей силой, душой движенья. Бунтъ Стеньки Разина былъ уже вмѣстѣ и бунтомъ раскола, первымъ явнымъ народнымъ движеніемъ его, такъ-какъ донское казачество тогда уже обратилось въ раскольничью общину и возводило даже свои казачьи *рады*, *круги* до религіозной санкціи въ образѣ религіозныхъ *радъ* или *радѣній* и *святыхъ круговъ*. Въ честь своего вождя-освободителя отъ князей, бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, донскіе казаки въ своемъ кругу воспѣвали пѣснь:

Ай у насъ ва Дону,
Самъ Спаситель во дому.
Ходитъ съ нами
Во святомъ онъ во кругу.
Взбранный воевода, нашъ сударь, батюшка!
Плыветъ по Сладимъ-рѣкѣ да царскій корабль,
Вокругъ царскаго корабля легки лодочки,
Во лодочкахъ вѣрны царски дѣтушки,
Пловцы, бѣльцы, стрѣльцы, донскіе казаки!

Древнее астраханское царство Стенька Разинъ хотѣлъ сдѣлать, въ противоположность Москвѣ, московскому государству, царствомъ казачества и раскола, къ чему и послѣ, со второй половины

XVIII столѣтія, стремились раскольники, особенно *бѣгуны.* Въ религіозно-общинномъ раскольничьемъ духѣ, Стенька Разинъ свирѣпо убилъ астраханскаго архіепископа и также покушался поступить и съ астраханскимъ воеводой.

Изъ Украйны Донской, изъ царства казачества, расколо-казачье движеніе отозвалось въ Сѣверно-Поморской Области, въ средоточіи религіознаго и гражданскаго раскола. Тамъ казаки-раскольники, вмѣстѣ съ монахами соловецкими, —по словамъ митрополита тобольскаго Игнатія— «начали быть во всемъ противны не только хуламии св. Церкви, но и благочестиваго царя не захотѣли признать своимъ государемъ». «Воры-сотники—читаемъ далѣе, въ дѣлѣ о соловецкомъ бунтѣ—про великаго государя говорили такія слова, что не только написать, но и мыслить страшно». Соловецкій бунтъ былъ раскольничьимъ протестомъ, антагонизмомъ Поморской Области противъ Москвы. Потому онъ и изображается въ одномъ раскольничьемъ стихѣ, какъ борьба Поморья съ Москвою, съ московскимъ государствомъ.

Бунтъ Стеньки Разина, бунтъ соловецкій, также какъ и поморскія пудожскія движенія Емельяна Иванова, Власки «лихаго вора» и другихъ, были прекращены... Но расколъ остался и живучъ и силенъ. Въ бою казачьемъ, въ бунтахъ народныхъ онъ еще больше укрѣпился, закалился, такъ-сказать, слился съ кровью массъ.

Между-тѣмъ горе народное скоплялось всѐ больше-и больше. «Сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены». Недаромъ къ XVII столѣтію относятъ многознаменательную народную повѣсть *о горѣ-злочастьѣ*. Съ XVII столытія, въ одно время съ умноженіемъ голытьбы кабацкой, простой народъ особенно позналъ горе-злочастье и выразилъ его въ своихъ многочисленныхъ и разнообразныхъ челобитныхъ. Отъ всего онъ разбродился врознь, убѣгалъ, но отъ горя-злочастья, по словамъ пѣсни, не могъ укрыться «ни въ чистомъ полѣ, ни въ лѣсахъ темныхъ, ни въ синемъ морѣ».

«Въ лѣто 1682—читаемъ въ хронографѣ—во время зимнее, начали люди сильно тужить по причинѣ неправдъ и нестерпимыхъ обидъ. Осо-

бенно начали злобиться на временщиковъ, главныхъ судей, за то, что они мздоимствомъ ослѣпили себѣ очи. Повсюду тогда, не только между мужчинами, но и между женщинами, шли рѣчи объ обидахъ, о неправомъ рѣшеніи дѣлъ. А тѣ, ближніе предстатели царя, только вымышляли мниморазумное сами собой, а не на совѣтѣ многихъ людей, презирая людей искусныхъ, мудрыхъ и старцевъ, покусились вводить въ государствѣ всякія новыя дѣла, въ гражданствѣ — чины для дарованія чести и суды иночиновные, подражая обычаямъ иноземскимъ. Забыли они писанное, что отнюдь не слѣдуетъ вдругъ вводить вновь иностранные обычаи, чины председательства, отличія, почести, званія, неслыханныя въ своемъ государствѣ, также перемѣну въ одеждахъ, въ обувяхъ, въ пищѣ и питьѣ, и — въ совѣтъ о государственныхъ дѣлахъ не пущать иноземцевъ, потому-что отъ перемѣнъ и необычныхъ дѣлъ въ государствѣ бываютъ большія и страшныя смуты... Не для того не слѣдуетъ принимать иноземцевъ въ думу или въ совѣтъ, чтобъ отнимать у нихъ честь, или чтобъ ихъ ненавидѣть, но для

того, чтобы по совѣту иноземцевъ не произошли въ государствѣ перемѣны по обычаямъ и дѣламъ ихъ страны, перемѣны несогласныя съ нуждами государства. Больше же всего надобно беречься того, чтобъ отъ обычаевъ иноземныхъ не произошли въ житьѣ народномъ, т. е. въ яствахъ и платьѣ, проторы и убытки. Ибо если какое дѣло скоро входитъ въ государство, и за то дѣло примутся люди, то уже большое происходитъ зло, а за тѣмъ слѣдуютъ страшныя ненависти, является жадность къ чужому имѣнью. А когда эта жадность дотронется до чужихъ животовъ, тогда не будетъ единомыслія и любви между житейскими людьми. Тутъ ужь происходитъ въ государствѣ смута и мятежъ».

«Вотъ и въ это время—продолжаетъ хронографъ—голосъ народа такой раздавался: какъ можетъ быть въ мірѣ многое множество людей, когда въ судахъ нѣтъ правосудія, и, если правосудія не будетъ, то, конечно, въ государствѣ предстоитъ переворотъ... Ибо вотъ уже, въ царствующемъ городѣ началъ возгораться гнѣвъ Божій отъ налоговъ начальническихъ и неправед-

ныхъ судовъ, а отъ того и мысли у людей начали возмущаться... Огонь ярости на начальниковъ, на обиды, налоги, притѣсненія и неправосудіе больше-и-больше умножался, и гнѣвъ, и свирѣпства воспалились.

Такъ было до 15 мая 1682 года.

Мрачный и бурный былъ этотъ день въ Москвѣ. Сильный вѣтеръ подулъ съ страшнымъ воемъ и визгомъ. Все небо подернулось темными тучами. Загремѣла гроза... И, въ это время, раздался ударъ въ большой кремлевскій колоколъ. Забили въ набаты и барабаны. Стрѣльцы взбунтовались. Поднялись полки всѣхъ приказовъ, вмѣстѣ съ бутырскими солдатами, и двинулись въ Кремль, «воинскимъ строемъ», съ знаменами и барабанами, съ мушкетами, съ бердышами и съ копьями и даже съ нѣсколькими пушками, сбивши съ Ивановской площади боярскія кареты вмѣстѣ съ лошадьми... Начались стрѣлецкіе бунты, ознаменовавшіе конецъ московскаго государства и начало всероссійской имперіи.

Расколъ и тутъ поднялъ свое знамя. Онъ воодушевлялъ, возбуждалъ всѣ стрѣлецкіе бунты.

Стрѣльцы, какъ и казаки, большею частью были раскольники. «Тогда объявились въ стрѣльцахъ— пишетъ Матвѣевъ въ своихъ запискахъ—многіе раскольники, и, получа своему зломыслію удобное время, начали совѣтовать, какъ бы имъ расколъ свой вновь утвердить и противную имъ православную Церковь разорить. Для того избрали они себѣ предводителемъ Никиту-роспопа, прозваньемъ Пустосвята». Въ Грановитой Палатѣ, гдѣ нѣкогда бывали и земскіе соборы, въ присутствіи правительницы Софьи, на соборѣ высшей и низшей іерархіи церковной, всего царскаго синклита, бояръ, окольничихъ, думныхъ дьяковъ, стольниковъ, дворянъ и выборныхъ людей изъ всѣхъ полковъ, расколъ, вооруженный силою стрѣльцовъ, въ послѣдній разъ торжественно объявилъ борьбу и споръ съ верховною властью и съ архіереями грекороссійской Церкви. Въ послѣдній разъ, въ челобитной своей на соборѣ, онъ торжественно провозгласилъ свой догматъ, съ-тѣхъ-поръ неизмѣнный: «цари изнемогоша, архіереи падоша!» Далѣе, стрѣльцы, подобно казакамъ, возстали, подъ знаменемъ раскола, во

имя равенства, противъ князей, бояръ и начальныхъ людей. По собственнымъ словамъ ихъ, они шли казнить бояръ и вельможъ, уничтожать чины, званія и отличія. Раскольничьи попы съ образами ободряли ихъ въ этомъ движеніи. Наконецъ стрѣльцы, вмѣстѣ съ расколомъ, возстали противъ Нѣмцевъ и нѣмецкихъ нововведеній: они шли взять слободу нѣмецкую, истребить ее до тла, передушить и перерѣзать иностранцевъ. Всѣ эти движенія стрѣлецкія расколъ сдѣлалъ движеніями народными. По словамъ Крекшина и Матвѣева, раскольники, «видя стрѣлецкое смущеніе въ государствѣ, начали простой народъ возмущать, подговорили въ свой совѣтъ много народу, купцовъ, посадскихъ людей, промышленниковъ и чернь, и возжегся едва не весь народъ»...

И стрѣлецкіе бунты, наконецъ, были подавлены, и самые даже стрѣльцы были уничтожены. Но расколъ остался живучъ и силенъ, и сталъ еще сильнѣе.

Въ то время, когда въ Москвѣ совершалась надъ стрѣльцами страшная казнь въ восьмиднев-

ныхъ кровавыхъ актахъ мучительнѣйшихъ побоищъ, отъ 10-го до 31-го октября 1698 года... въ то время въ Сѣверномъ Поморьѣ, въ области древняго вольнаго Новгорода, собирается новое народное согласіе раскола. Оно возводитъ въ догматъ: «не молиться за царя и быть всѣмъ равными». Это — согласіе поморское, выгорѣцкое, даниловское. Съ-тѣхъ-поръ, на вопросъ: «Кто вы?» послѣдователи этого согласья даютъ отвѣтъ вопрошающимъ: «Мы христіане евангельскаго проповѣданья.... священства не имѣемъ и бѣглыхъ поповъ не пріемлемъ... За царя Бога не молимъ... всѣ равны и особенныхъ наставниковъ не имѣемъ... единаго же согласія Данилова поморскаго».

Какъ живучъ былъ въ стрѣльцахъ, до послѣдней капли крови, духъ возстанія, какъ въ кускахъ обезглавленныхъ тѣлъ стрѣлецкихъ на кремлевской площади, — по словамъ очевидца Корба, — долго трепеталась жизнь въ ужаснѣйшей агоніи, такъ живучъ былъ жизнью раскола стрѣлецкій духъ демократическаго антагонизма. Онъ пережилъ самихъ стрѣльцовъ. Бѣглый стрѣлецъ

Филиппъ основалъ новое религіозное и гражданское согласье, доселѣ живущее. Это согласье, гораздо упорнѣе, рѣшительнѣе Даниловцевъ, возвѣстило догматъ—не молиться за царя, отрицать всѣ повелѣнія и установленія власти; лучше сожигаться, чѣмъ покоряться Антихристовой волѣ. Изъ-за этого собственно догмата стрѣлецъ Филиппъ и основалъ свое особое согласье.

Такимъ-образомъ, изумительно, загадочно и многознаменательно, какое «непостоянство большое», по выраженію русскихъ людей XVII вѣка, совершилось въ образѣ мыслей бо́льшей части массы народной, въ Москвѣ и по всѣмъ областямъ, послѣ всенароднаго согласья на земскомъ соборѣ 1613 года. Во второе десятилѣтіе XVII вѣка избранъ былъ царь по согласію всей земли, а съ послѣдняго десятилѣтія XVII вѣка стали возникать и сильно распространяться въ массѣ народной противоположныя согласья,—началось непризнаніе, отрицаніе царя....

Такъ кончилась древняя Россія. «Здѣ бо бысть послѣдняя Русь: здѣ бо, отъ сего часа, на горшая измѣненія будетъ превосходити Русь царь-

ми неблагочестивыми». Съ такой печальной, панихидной рѣчью расколъ шелъ за старою Россіею, на кровавыхъ похоронахъ ея, совершавшихся Петромъ-Первымъ.

Непрерывнымъ рядомъ народныхъ бунтовъ ознаменовался конецъ старой московской и земско-областной народной Россіи. Ужасами кровавой народной борьбы отмѣтилось въ лѣтописи народной введеніе старой народной Россіи во Всероссійскую Имперію. Первому новоизбранному всею землею царю народъ мирно, громогласно высказалъ въ своихъ общинно-областныхъ челобитныхъ всю свою правду, всѣ вопросы жизни; далъ всѣ жизненно-народные, общинно-областные матеріалы для земскаго строенья, для реформъ. Громко сталъ высказывать онъ то же и второму царю новоизбранной династіи. Но когда царь Алексѣй Михайловичъ не далъ записи, какова учинена была по совѣту всей земли на земскомъ соборѣ 1613 года; когда рѣшенье вопросовъ народной жизни и земское строенье пошло по *его одной волѣ,*—какъ говоритъ Котошихинъ,—и по иночиновному учиненью, а не по

народнымъ земско-областнымъ челобитнымъ; когда *сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены*, когда появилось *горе-злочастье*, тогда вспыхнули бунты городовые, особно-областные, угрожавшіе-было новою рознью областей, и земскіе люди учинились сильны и непослушны государю, явился Стенька Разинъ и пошелъ противъ царя Алексѣя Михайловича, и противъ князей, бояръ, воеводъ и всѣхъ приказныхъ людей — явился расколъ и возопилъ: «Антихристъ!...» Кровь старой народной Россіи полилась рѣкою.... Расколъ все недовольство народное, все *горе-злочастье* *), всѣ элементы бунтовъ народныхъ, возвелъ въ вѣковой народный заговоръ, въ согласья, въ доктрину. Духъ Стеньки Разина, духъ стрѣльцовъ, воплотился въ живучую, неумирающую, вѣковую оппозицію раскола.

И чѣмъ такъ изумительно-живуча, могуча,

*) Потому поэзія раскольничья исполнена стихами о горѣ-злочастьѣ; любимый, постоянный мотивъ ея вдохновенія — *горе, грусть, плачъ, рыданіе*.

энергична была старая народная Россія, когда богатырски, героически умирала въ Москвѣ съ Стенькой Разинымъ, когда была вѣшана, рѣзана, изрубляема, сжигаема, распинаема... въ эту адскую годину стрѣлецкихъ побоищъ, и все-таки осталась живою въ расколѣ? Чтò хотѣла завѣщать намъ, воспитанникамъ новой, петровской Россіи, старая народная Россія, когда послала по всѣмъ концамъ, по всѣмъ областямъ свою могучую, живучую пропаганду религіозныхъ и граждански-народныхъ согласій? Какое добро или зло она завѣщала низшимъ массамъ земства — крестьянству, мѣщанству, купечеству, солдатству, когда завѣщала расколу уловлять въ свои согласія эти массы народа и, по началамъ изстариннаго земскаго строенья, развивать въ согласіяхъ братство, совѣты, сходы, соборы, выборное самоуправленіе, принципъ сводныхъ браковъ, общиннаго употребленія капиталовъ и проч.? Чтò дорогаго, святаго было для огромной массы народа въ старой Россіи, когда она въ расколѣ возвела до святыни, до апотеозы старину, и, подъ знаменемъ раскола, пòдняла вѣ-

ковую народную оппозицію, «брань съ Антихристомъ»?

Теперь намъ не рѣшить всѣхъ этихъ вопросовъ, пока расколъ самъ не раскроетъ свою таинственную, заколдованную, мистико-апокалипсическую тайну, завѣсу, которою прикрыто его полножизненное, горько-думное, горько-слезное прошедшее и невѣдомое будущее. А если бы разрыть могилы—архивы старой народной Россіи; еслибы разгадать, чего хотѣлъ, что̀ закладывалъ, слагалъ въ своемъ свободномъ земскомъ настроеньи въ былыя вѣчевыя времена, что̀ пережилъ и что̀ дважды хоронилъ и подъ конецъ съ горемъ-злочастьемъ схоронилъ земскій великорусскій міръ—народъ въ своей старой народной земско-областной Россіи, то, быть-можетъ, поняли бы мы отчасти эту могучесть, энергію и жизненность борьбы народной, выразившейся въ расколѣ. Видно, много ужь неволи и горя прожилъ народъ, когда онъ читалъ въ XVII вѣкѣ повѣсть о горѣ-злочастьѣ, когда сталъ обращаться въ расколъ. Сначала онъ лишился самородныхъ принциповъ, зачатковъ особно-област-

ной свободы и федеративнаго устройства, мірскаго и вѣчеваго самоуправленія и саморазвитія, послѣ вѣковаго богатырскаго труда колонизаціоннаго самоустройства среди Чуди, *Лопи дикой*, среди черныхъ *дикихъ лѣсовъ*. Потомъ лишился онъ зачатковъ свободнаго, соединенно-областнаго, федеративнаго саморазвитія и самоуправленія *въ любви и въ совѣтѣ*, лишился свободныхъ мірскихъ сходовъ по селамъ и волостямъ, свободныхъ людскихъ собраній или сходовъ на думы по городамъ, свободныхъ сходовъ городскихъ волостныхъ людей вмѣстѣ или областныхъ земскихъ совѣтовъ и земскихъ соборовъ—и лишился всего этого онъ въ самой первооснов**ѣ**, закладкѣ — въ эпоху появленія постоянныхъ указовъ, въ эпоху учрежденія до 100 Приказовъ, до 40 воеводствъ, а тамъ—въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія—и губерній. Наконецъ, лишился онъ, ни за что, многихъ талантливыхъ, удалыхъ и добрыхъ молодцовъ, сложившихъ головы за народное, земское дѣло... И вотъ, позналъ онъ въ XVII вѣкѣ горезлочастьѣ, и пошелъ *со голытьбою со кабац-*

кою за Стенькой Разинымъ, а со стариной народной—въ расколъ... И съ-тѣхъ-поръ великорусскій расколъ также плакалъ и плачетъ о *мірскомъ смущеніи*, или о разстройствѣ великорусскаго земства, міра, о великорусской старинѣ, о старинныхъ уставныхъ правахъ городскихъ, и старинныхъ соборахъ, какъ Украйна плакала надъ своей «розрытой могилой» исторической. Расколъ, вспоминая старину, вопіялъ и вопіетъ:

Не могу быть безъ рыданья.
Страхъ Антихристовъ *міръ* устрашилъ,
Милость съ лестію въ міръ пометалъ,
Законы градскіе всѣ истребилъ,
Временны соборы въ конецъ низложилъ....
Вѣрныхъ соборы истреблены,
Сонмы мерзостей умножены.
Неокентавры завладѣли нами.
Въ сластолюбіи которые,—тѣхъ почти всѣхъ,
На сѣдалищахъ первыми учинили,
А соборъ нищихъ возненавидѣли...
Лихоимцы всѣ грады содержатъ,
Немилосердые—въ городахъ первые.
На мѣстахъ злые приставники....

Ко обычаямъ странъ поганыхъ всѣ преклонилися....
Взирай, душе, къ горамъ, равно облакамъ,
Постизай *соборъ малъ оставшихъ христіанъ*..

Какъ бы ни была дорога́ бо̀льшей части народа старая Россія, прошла и она, похоронена Петромъ Первымъ. Но расколъ остался, и живучъ и силенъ, и по-своему встрѣчалъ XVIII столѣтіе.

II.

Непривѣтлива, безотрадна была для бо̀льшей части народа встрѣча новаго столѣтія. На площадяхъ и улицахъ Москвы еще свѣжи были слѣды крови народной. Ужасные стрѣлецкіе розыски, аресты, тюрьмы, допросы, пытки, дыбы, костры, висѣлицы, кнуты, клещи, колеса, плахи, кучи смрадныхъ труповъ... Повсюду, по городамъ, по селамъ, въ домахъ, на улицахъ, въ кабакахъ, въ харчевняхъ, въ монастыряхъ, даже въ далекихъ, темныхъ лѣсахъ, страшное, постыдное—*слово и дѣло!* И все новыя-и-новыя

жертвы Преображенскаго Приказа и Тайной Розыскныхъ дѣлъ Канцеляріи; безпрестанныя жертвы застѣнковъ, пытокъ и казней... Таковы были знаменія реформы Московскаго Государства во Всероссійскую Имперію. «Пытки и казни — выразимся словами Карамзина — служили средствами нашего славнаго преобразованія государственнаго».

Мрачно и грустно встрѣчали новый 1700-й годъ въ самой Москвѣ и по городамъ, купецкіе люди, посадскіе, оставшіеся въ-живыхъ и разосланные по провинціямъ стрѣльцы, старожилы-старики и всѣ, кто любилъ русскую старину. Съ самаго начала 1700 года разнеслась молва, будто съ новаго года «настали лѣта сатанины, «Антихристово время, будто Москва—падшій Вавилонъ!» Весь тотъ годъ ходили въ низшихъ слояхъ народа какіе-то недобрые, зловѣщіе, мрачные, мистическіе слухи про царя Петра Алексѣевича. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ народѣ стала ходить молва о какихъ-то бунтовскихъ листахъ и тетрадкахъ. Разъискивали виновника...

Въ одной изъ глухихъ улицъ Москвы, на Ки-

словкѣ, въ бѣдныхъ хоромахъ, почти-постоянно сидѣлъ въ это время у стола мрачно-задумчивый *книгописецъ*. Передъ нимъ на столѣ лежали «бытейскія и пророческія книги» и какіе-то листы, столбцы и тетрадки. На другомъ концѣ стола сидѣлъ его племянникъ и переписывалъ ему «Письма о послѣднемъ времени и объ Антихристѣ». Взялъ онъ бытейскія книги, лѣтописи и хронографы, и по нимъ «считалъ московскихъ царей». И чтò же? По его счету выходило, что «государь Петръ Алексѣевичъ осьмой царь и Антихристъ!».. Утвердившись въ этомъ убѣжденіи, книгописецъ сталъ писать на столбцахъ и тетрадкахъ письма: «Настало-де нынѣ послѣднее время, и Антихристъ въ миръ пришелъ, а Антихристомъ,—въ томъ письмѣ, ругаясь,—писалъ великаго государя, также и иныя многія статьи ему, государю, въ укоризну писалъ, и народамъ отъ него, государя, отступить велѣлъ и слушать его, государя, не велѣлъ, а велѣлъ взыскать князя Михаила, чрезъ котораго хочетъ быть народу нѣчто учинить доброе... А князь-Михайлово имя въ томъ своемъ письмѣ писалъ онъ для то-

го: которые-де стрѣльцы разосланы по городамъ, и какъ государь пойдетъ изъ Москвы на войну, и они стрѣльцы собрався будутъ въ Москвѣ, чтобъ они выбрали въ правительство боярина князя Михаила Алегуковича Черкасскаго, для того, что онъ человѣкъ добрый».

Написавъ эти письма «въ тетрадкахъ и столбцахъ», книгописецъ сталъ читать и раздавать своимъ друзьямъ и знакомымъ, и распространять въ народѣ «для возмущенія бунту». Жадно ихъ у него покупали, списывали, читали и слушали. На домъ къ нему приходили слушать эти бунтовскіе листы и тетрадки люди всякаго званія—и попы, и роспопы, и дьяконы, и пономари, и посадскіе — кожевники, иконники, садовники, крѣпостные люди и прочіе. Онъ самъ хаживалъ съ своими тетрадками и столбцами ко всѣмъ этимъ людямъ, и къ монахамъ въ Чудовъ монастырь, въ мѣщанскую слободу, за курскія ворота, къ иконнику Ивашкѣ Савину, къ садовникамъ, къ портнымъ мастерамъ, и проч. Вездѣ онъ «чолъ свои письма и тетрадки о исчисленіи лѣтъ и о послѣднемъ вѣцѣ, и объ Антихристѣ, и въ разго-

ворѣ говорилъ: «нынѣ-де послѣднее время пришло, и Антихристъ народился, а приводомъ называлъ государя Антихристомъ, а сказывалъ отъ бытейскихъ и пророческихъ книгъ: «въ апокалипсисѣ-де Іоанна-Богослова въ 17-й главѣ написано: «Антихристъ будетъ осьмой царь», и считалъ московскихъ царей, и говорилъ: «а по нашему-де счету осьмой царь онъ, государь, и Антихристомъ его, государя, называлъ». Въ хоромахъ у книгописца жили стояльцы—подъячій патріаршей площади, съ женой. Подъячій этотъ сказывалъ про книгописца: «слышалъ-де отъ него про государя всякія непристойныя слова, чего и слышать невозможно, да онъ же рѣжетъ невѣдомо какія доски, а вырѣзавъ хочетъ печатать тетради, а напечатавъ бросать въ народъ. И уже вырѣзалъ онъ двѣ доски, а на тѣхъ доскахъ сталъ печатать листы.... тѣ листы сталъ раздавать народу безмездно». Но тутъ его схватили въ Преображенскій Приказъ...

Это тотъ виновникъ подметныхъ бунтовскихъ листовъ, котораго отъискивали въ Москвѣ въ 20-хъ числахъ іюня 1700 года. Это былъ из-

вѣстный раскольникъ, Григорій Талицкій. Онъ, какъ было сказано, вычиталъ въ апокалипсисѣ, что восьмой царь будетъ Антихристъ. Потомъ онъ читалъ русскія лѣтописи, и по нимъ *считалъ московскихъ царей*, начиная съ Ивана III-го и съ сына его, Василья Ивановича, который, — по словамъ лѣтописи, — первый повелѣлъ писать себя *самодержцемъ* и въ польскихъ грамотахъ и *въ исторіяхъ*, и принялъ на себя *областные титла.* Талицкій началъ свой счетъ московскихъ царей съ тѣхъ страницъ областныхъ лѣтописей, гдѣ изображается трагическая, кровавая борьба областей съ Москвою, съ московскими царями, за земскую самобытность и вѣчевую свободу. На этихъ грустно-трогательныхъ страницахъ, областные лѣтописцы сами смотрѣли на московскихъ царей, завоевателей, централизаторовъ областей, съ такою же злобою и антипатіей, и съ той же точки зрѣнія, какъ современники Талицкаго, раскольники, смотрѣли на императора всероссійскаго Петра-Перваго, устроителя новой политико-географической, петербургско-губернской централизаціи областей. Въ Псковской Лѣто-

писи, выразившей энергическій протестъ противъ московскаго завоеванія, Талицкій читалъ разсказъ о завоеваніи Пскова московскимъ царемъ, читалъ трогательный плачь Пскова о лишеніи вѣчевой свободы, и за нимъ — слѣдующую апокалипсическую жалобу псковскаго лѣтописца: «Занеже писано въ апокалипсисѣ, глава 54: пять бо царей минуло, а шестый есть, но не у бѣ пришелъ; шестое бо царство именуетъ въ Руси скиѳскаго острова; его бо именуетъ шестый, а седьмый потомъ еще, а *осьмый Антихристъ*. Се бо приде на ны зима. Сему бо царству расширитися, и злодѣйству умножитися. Охъ, увы!» Прочитавши такое предсказаніе въ велико-русской, областной, народной лѣтописи, что восьмой царь, изъ московскихъ государей будетъ Антихристъ, Талицкій пересчиталъ по московскимъ лѣтописямъ московскихъ царей и убѣдился, что государь Петръ Алексѣевичъ, какъ восьмой царь, по его счету, Антихристъ. И вотъ, онъ хотѣлъ поднять разосланныхъ по областнымъ городамъ стрѣльцовъ противъ Москвы, какъ противъ царства Антихристова. И для этого, —какъ ска-

зано въ одномъ указѣ 1701 года,—«ради возмущенія людей, писалъ онъ письма о пришествіи Антихристовѣ съ великою злобою и бунтовскимъ коварствомъ, каковому его ученію многіе послѣдовали.» Съ этого времени, ученіе раскола объ Антихристѣ окончательно получило историко-политическій смыслъ и во всей полнотѣ выразилось въ раскольничьемъ сочиненіи «Объ Антихристѣ, еже есть Петръ I-й». Такимъ-образомъ, какъ въ первыхъ московскихъ царяхъ, централизаторахъ, завоевателяхъ, собирателяхъ великорусскихъ земель, областей, царствъ и государствъ, разрушителяхъ особно-областнаго земскаго строенья и общинновѣчеваго самоуправленія великорусскихъ областей, областныя общины, особенносильныя сознаніемъ вѣчевой самобытности, свободы, видѣли предшественниковъ государя-Антихриста; такъ точно въ Петрѣ-Первомъ, разрушителѣ, уничтожителѣ созданной областными общинами въ смутное время на мѣстныхъ земскихъ совѣтахъ и на общемъ земскомъ соборѣ 1613 года соединенно-областной федераціи и земскихъ соборовъ, уни-

чтожителѣ общинно-областной челобитной совѣщательности, гласности передъ правительствомъ, нововводителѣ губернскаго и провинціальнаго росписанія областей, великомъ централизаторѣ земско-областной администраціи, экономіи, мѣстныхъ рабочихъ силъ, и проч. — въ Петрѣ-Первомъ расколъ призналъ давно предсказаннаго областными лѣтописями московскаго государя-Антихриста.

Согласно съ Талицкимъ, всѣ земскіе люди, недовольные реформами Петра, утвердились въ томъ убѣжденіи, что съ 1700 года окончательно утвердился въ Великороссіи, въ лицѣ Петра I-го, Антихристъ; что Москва стала падшимъ Вавилономъ; что нужно бѣжать въ пустыни, въ лѣса. изъ царства Антихристова и основывать свои новыя согласья и общины. Вездѣ—въ Москвѣ, въ областныхъ городахъ, въ селахъ, въ домахъ, на улицахъ, на торжищахъ, въ лавкахъ, въ кабакахъ, по дорогамъ, въ далекихъ дремучихъ лѣсахъ, вездѣ шелъ говоръ, что царь Петръ Алексѣевичъ — Антихристъ. Вотъ, въ Москвѣ, идетъ солдатъ Розстригинъ съ званымъ гостемъ,

служилымъ человѣкомъ Левинымъ, домой; и дорогой говоритъ о Петрѣ: «Я не знаю что́ дѣлать, хочу бѣжать изъ полка; я не признаю, что онъ у насъ государь: онъ Антихристъ.» — «Я давно знаю,—отвѣчаетъ Левинъ:—что онъ не прямой царь, а Антихристъ.» Вотъ духовникъ князя Меньшикова, крестовый попъ, прозваньемъ Лебедка, того же убѣжденія, о томъ же ведетъ разговоръ съ Левинымъ и другими знакомыми: «Петръ—Антихристъ, онъ и сына своего не пощадилъ, билъ его, и царевичъ не просто умеръ: знамо, что государь его убилъ»... Солдаты говорили Левину, что «привезены изъ-за моря клеймы, чѣмъ людей клеймить Антихристовымъ клеймомъ, и самъ государь по нихъ ѣздилъ и привезены въ Котлинъ». Особенно самъ этотъ Левинъ, до болѣзненной экзальтаціи и энтузіазма, до умопомѣшательства убѣжденъ былъ и вездѣ и всѣмъ проповѣдывалъ, что Петръ—Антихристъ. Въ Пензѣ, въ церкви, онъ кричалъ народу: «Послушайте, православные христіане! Слушайте! Нынѣ у насъ преставленіе свѣта скоро будетъ!.. Государь нынѣ загналъ весь народъ

въ Москву и весь его погубитъ!... будетъ пятнать ихъ и станутъ они въ его вѣровать!» Въ пустынѣ Жадовской игумену онъ говорилъ тоже: «Нынче послѣднее время, Антихристово пришествіе... Привезены въ Санктпетербургъ печати... хотятъ людей печатать... Государь — Антихристъ!» На базарѣ, толпѣ, народной, онъ кричалъ: «Послушайте, христіане, послушайте!... Въ Москву пріѣхалъ царь Петръ Алексѣевичъ... Онъ не царь Петръ Алексѣевичъ, а Антихристъ!..... Антихристъ!..... И весь народъ мужеска и женска пола онъ будетъ печатать... Бойтесь этихъ печатей, православные! бѣгите, скройтесь куда-нибудь!.. Послѣднее время... Антихристъ пришелъ!... Антихристъ!»..... Тамъ, далеко, въ лѣсахъ керженскихъ, тоже шелъ разговоръ о Петрѣ-Антихристѣ. «Куда-де какую притчу сказываешь ты про Петра?» — говорилъ насмѣшливо раскольникъ Кузьма Павловъ на рѣчи казака Левшутина: — «въ книгахъ писано, что онъ, Антихристъ, лукавъ... А чолъ ты тетрадь учителя Кузьмы Андреева? Лихо на него Петра въ тетрадкѣ показано». Раскольникъ Никита Никифоровъ при-

велъ на это доказательство:—«Нынче былъ у насъ съ Починокъ человѣкъ, былъ въ Петербургѣ, сказывалъ про тамошнія чудеса: собралъде онъ, Петръ, бѣглыхъ солдатъ человѣкъ съ двѣсти, и поставя на колѣни, велѣлъ побить до смерти изъ пушки. Эко стало нынѣ христіанамъ поругательство! Да что̀, полно говорить; страшно; называемъ его Антихристомъ, а нѣтъ ли его здѣсь, въ лѣсу? Видите вы и сами, какое смятеніе и между нами». Тутъ перебилъ рѣчь другой: «Что̀ мотаться! Антихристъ онъ, да и все тутъ!» и т. д. шли разговоры. Такъ говорили многіе, и весьма-многіе, во всѣхъ концахъ Россіи, и поминали Талицкаго...

И вотъ, многочисленныя массы земства, движимыя убѣжденіемъ, что въ Великороссійскомъ Государствѣ, въ губерніяхъ и провинціяхъ, вновь расписанныхъ по указу, изъ «ближней канцеляріи, изъ кабинета царскаго величества», царствуетъ богоборный Антихристъ-Петръ — отшатнулись отъ имперіи и пошли во *оземствованіе*, въ пустыни, въ горы, въ лѣса, устроять для себя новыя, свободныя отъ власти Антихриста, области.

На основаніи убѣжденія, что православныя городскія и сельскія общины, росписанныя Петромъ на губерніи, провинціи и уѣзды, повинующіеся Антихристу и приставникамъ его, — губернаторамъ и прочимъ властямъ, — суть области царства Антихристова, расколъ сталъ развивать, на новыхъ мѣстахъ, свои народныя общины, не раздѣляя ихъ на города и села. По общинному значенію ихъ, расколъ называлъ ихъ *согласіями*, сообразно съ сельскими *мірскими согласіями*, какъ назывались крестьянскіе *мірскіе сходы* (напримѣръ, писалось въ первой половинѣ XVIII вѣка: *по описи по мірскому согласію* отдали и т. п.). Какъ демократизмъ донскихъ казаковъ возводилъ до религіознаго значенія, освященія, казачьи *рады, круги,* такъ великорусскій расколъ, расколъ массы земства облекъ въ религіозно-демократическую форму крестьянскія *мірскія согласія.* По мѣрѣ развитія раскола, согласія разнообразились и умножались. Такъ, при Петрѣ, пастухъ или скотникъ даниловскаго согласія, при Андреѣ Денисовѣ, основалъ *пастухово или адамантово согласіе*, которые учило, что воцарив-

шійся Антихристъ даетъ свою печать наипаче въ паспортахъ, посему должно отрицать паспорты,—прикрѣпленность къ мѣсту или къ согласію. Это ученіе приняли всѣ согласія раскола, такъ-какъ всѣ они отрицали припись, прикрѣпленность къ Антихристову мѣсту или къ сословію. Всѣ они уже при Петрѣ-Первомъ, несмотря на страшныя препятствія и полную гражданскую безправность, стали стремиться къ выходу изъ Антихристовыхъ областей и къ новому свободному территоріальному, земскому, колонизаціонному устройству. Каждое согласіе стремилось основать свою область или федерацію, союзъ нѣсколькихъ мѣстныхъ общинъ. Такъ въ общихъ чертахъ началось колонизаціонное общинно-областное самоустройство раскола во время гоненія и бѣгства старовѣровъ изъ Антихристова царства въ лѣса, пустыни и горы.

На сѣверѣ, въ Новгородско-Поморской области, въ 1705 году возникаетъ новое согласіе— ѳедосѣевское, и также учитъ, что царь Петръ Алексѣевичъ—Антихристъ, что отнюдь не должно признавать его власти надъ собой. Вслѣдствіе

такого ученія,—по свидѣтельству раскольничьей Выговской Лѣтописи,—постоянно собирались въ Поморье отъ гоненья Антихристова старовѣры, отовсюду приходили всякаго рода люди, и поморскій расколъ стремился къ завладѣнію всею древнею *Поморскою Областію*, или Сѣвернымъ Поморьемъ, къ самостоятельному, общинно-областному самоустройству, экономическому и народному саморазвитію и къ общинному выборному самоуправленію. Въ царствованіе Петра, въ Сѣверномъ Поморьѣ образовалась уже федерація изъ 13-ти скитовъ, или становъ, общинъ, наподобіе старинныхъ посадовъ, или селъ, гдѣ селились мужчины и женщины, и свободно занимались торгомъ, пашнею, рыболовствомъ и разными промыслами. Колонизаціонная связь и совокупность всѣхъ поморскихъ скитовъ и, примыкавшихъ къ выгорѣцкому общежительству по рѣчной системѣ Выга и по расколу, погостовъ, образовала одно цѣлое федеративное или союзное согласіе, наподобіе одной волости или области. Раскольничья колонизація Поморья была сильная: отовсюду бѣжали туда крестьяне, по

садскіе, бобыли, солдаты, казаки и всякихъ чиновъ люди. Тамъ искали спасенія отъ Антихриста. Къ 1729 году поморскій расколъ завладѣлъ бо̀льшею частью олонецкихъ волостей, которыя встарину были новгородскими *черными*, народоправными. Въ этомъ году число поморско-олонецкихъ раскольниковъ дошло до 12,448 человѣкъ.

Въ то же время, въ Псковско-Новгородской области распространилось ученіе, что Антихристъ пришелъ въ міръ уже въ 1688 году, и живетъ онъ «духовнѣ по дѣйству» въ Велико-Россіи. Въ связи съ новгородско-поморскою раскольничьею областью, и псковскія и новгородскія общины выразили свою мѣстную религіозную автономію, антагонизмъ Москвѣ, какъ царству Антихристову. Въ царствованіе Петра, новгородско-поморскіе раскольничьи исторіографы, въ укоризну Москвѣ и наперекоръ московскому собору 1667 года, внесли въ свою исторію сѣвернаго, псковско-новгородско-поморскаго раскола извѣстную, любимую раскольничью, повѣсть «*О новгородскомъ бѣломъ клобукѣ*», и въ историческомъ сборникѣ

своемъ поставили ее на ряду съ «Исторіею объ отцѣхъ и страдалцѣхъ Соловецкихъ», въ числѣ которыхъ были псковскіе и новгородскіе страдальцы, и вмѣстѣ съ знаменитою «Соловецкою челобитною». Достойно также замѣчанія, въ этомъ отношеніи, что въ 1722 г. посланный отъ синода монахъ Неофитъ, для разглагольствія съ выговцами о церковномъ несогласіи и устроеніи, обратилъ вниманіе на древнюю самобытную жизнь Сѣверно-Поморской области, до покоренія ея Москвѣ, до XVI вѣка, когда Сѣверное Поморье было независимо отъ Москвы, московской епархіи и московскаго православія, когда св. Софія Новгорода и Соловецкій монастырь, независимо отъ Москвы, распространяли тамъ христіанство и когда Сѣверно-Поморская область отличалась своебразнымъ, преимущественно мірскимъ, часовеннымъ религіознымъ устройствомъ. Неофитъ спрашивалъ поморцевъ: «До царя Ивана Васильича православную ли имѣли вѣру?»—«Всѣ православные Россіяне, — отвѣчали поморцы: — отъ начала крещенія и до царя Ивана Васильича, яко же о семъ многія исторіи засвидѣтельствуютъ»

Изъ Поморской области, а отчасти изъ московско-волжскихъ городовъ, религіозно-гражданское ученіе объ Антихристѣ распространилось *въ Низовомъ краю*, въ Поволжьѣ. Тамъ въ темной, дремучей глуши лѣсовъ керженскихъ, за трясинами и болотами, въ скитахъ и починкахъ лѣсныхъ, около 1713 года, училъ новопришельцевъ мужичокъ Кузьма Андреевъ. Онъ проповѣдывалъ, что «царь Петръ Алексѣичъ—Антихристъ, отъ гданова колѣна, архіереи—еретики, а господа всѣ, которые при милости государевой—Антихристовы слуги!»... Утверждая такое вѣрованіе, Кузьма Андреевъ заботился о распространеніи новой раскольничьей области въ керженскихъ лѣсахъ, въ противоположность Антихристовымъ населеннымъ мѣстностямъ въ губерніяхъ и провинціяхъ, учрежденныхъ Петромъ. Онъ увлекалъ жителей изъ окрестныхъ городовъ и селъ и увѣщевалъ новопришельцевъ оставаться у нихъ въ лѣсной общинѣ, гдѣ ужь много было всякихъ чиновъ людей. «Внѣ лѣсовъ—говорилъ онъ—нынѣ царство Антихристово... Я

шлюся на божественное писаніе. Слушайте! Нынче уже въ мірѣ Антихристъ есть, и никто души своей не спасетъ, аще не придетъ къ намъ, христіанамъ, а которые нынче живутъ въ мірѣ, помрутъ!»... И дѣйствительно, при Петрѣ была сильная раскольничья колонизація Нижегородской лѣсной области — лѣсовъ керженскихъ, поломскихъ, каменскихъ, салавирскихъ, лысковскихъ, дорогучинскихъ; гнилицкихъ и другихъ. Въ этихъ лѣсахъ уже тогда насчитывалось до 94-хъ скитовъ, которые съ починками образовали федерацію, союзъ разсѣянныхъ въ лѣсахъ дворовъ и келій. Въ началѣ XVIII-го столѣтія въ трехъ только уѣздахъ: Балахнинскомъ, Семеновскомъ и Макарьевскомъ, считалось около 30,000 раскольниковъ, что̀ составляло гораздо больше трети тогдашняго общаго населенія тѣхъ уѣздовъ. Въ 1719 году раскольниковъ въ Нижегородскомъ краю считалось уже 86,000 обоего пола, такъ что на каждую тысячу жителей приходилось 283 раскольника.

Въ древнемъ Астраханскомъ царствѣ, уже послѣ 1698 года, распространилось раскольничье

ученіе о Петрѣ, какъ объ Антихристѣ. Здѣсь Петра называли «Антихристомъ», «неочесливымъ» и не желали ему здоровья. Стрѣльцы и казаки, подъ знаменемъ раскола, снова замышляли идти противъ Москвы. Атаманъ Носовъ, заводчикъ астраханскаго бунта, раскольникъ, говорилъ посадскому Бородулину и его товарищамъ: «Идите и управляйтесь съ князьями и боярами, а въ городахъ съ воеводами; а на весну и мы къ вамъ будемъ». Астраханская раскольничья пропаганда находилась въ связи съ донскою.

Точно также, ученіе о пришествіи и воцареніи въ Великороссіи Антихриста въ лицѣ Петра I-го, распространилось въ лѣсахъ стародубскихъ, въ Оренбургскомъ-краю, по всей Уральской Области и за Ураломъ въ Сибири. И въ эти области бѣжали тысячи вѣрившихъ ученію о Петрѣ-Антихристѣ, бѣжали изъ царства Антихриста, и основывали, въ лѣсахъ и въ горахъ, новыя общины, согласія; стремились собраться, сосредоточиться въ новыя вольнонародныя, религіозно-гражданскія областныя общины. «Когда въ Великороссіи, — читаемъ въ исторіи о бѣгствующемъ

священствѣ, — что день, то умножались гоненія на староверцевъ, тогда многіе народы, оставляя свои природныя мѣста, сродниковъ и друзей, текли въ Стародубскую область и тамъ населяли пустыни: такъ населился Бѣлый-Кладязь, Синій-Кладязь, Замшнево, Шеломы Слободы. Такъ населили они 17-ть богатыхъ, промышленныхъ слободъ, образовавшихъ особую, въ XVIII-мъ вѣкѣ, хорошо-устроенную раскольничью федерацію: «И тѣ слободы, — по словамъ одного указа, разселены, какъ превеликіе города, гдѣ премногое число бѣглыхъ изъ разныхъ городовъ богатыхъ купцовъ». На Уралѣ, около частныхъ заводовъ, въ лѣсахъ, собирались Олончане, Туляне, Нижегородцы и другіе великорусскіе люди; устроялись въ пустыни, и мало-по-малу завладѣвали уральскими заводами и мануфактурами — жестяной, проволочной, стальной, укладной и прочими. Богатые промышленные раскольники на заводахъ уральскихъ, пермскихъ и оренбургскихъ нарочно дорого платили рабочимъ изъ раскольниковъ, чтобъ перезвать отовсюду какъ-можно больше приверженцевъ своихъ согласій,

общинъ для колонизаціи Уральской области, для независимаго, самобытнаго территоріальнаго общинно-областнаго самоустройтва и самоуправленія. И вольные охочіе люди изъ дальнихъ мѣстъ приходили къ нимъ. Въ Сибири, тысячами душъ выѣзжалъ народъ изъ правительственныхъ городовъ и изъ тяглыхъ слободъ въ пустыни, оставляя дворы, животы, скотъ и хлѣбъ; устроялся въ новыхъ, вольныхъ слободахъ, въ родѣ Утяцкой-слободы, и стремился устроить новую, самостоятельную, свободную область по рѣкѣ Тоболу съ притоками, устроить свое общинное самоуправленіе и свободное общинное экономическое саморазвитіе.

Короче сказать, мысль о воцареніи Антихриста въ Великороссіи со времени Петра, мысль о мірскомъ смущеніи отъ *страха Антихристова* такъ была нестерпима для бо́льшей части народа, такъ мутила духъ народный, что многочисленныя массы земства забывали всѣ свои страдальческіе, вѣковые историческіе труды, работы въ великомъ дѣлѣ первоначальной древней колонизаціи, обстройкѣ Россіи городской и сель-

ской; оставляли свои города и села, и шли въ лѣса, въ горы, въ пустыни, снова устроять, колонизовать свою любимую Россію по плану стараго земскаго строенія. Словно рай потерянный искали они свою *старую Россію въ пустыняхъ, въ лѣсахъ.* Недаромъ съ XVIII-го вѣка любимѣйшими стихами раскольниковъ были стихи о прекрасныхъ пустыняхъ, о скитахъ и общинахъ въ лѣсахъ, на крутыхъ горахъ, и т. п. А сколько труда положилъ, какую богатырскую, страдальческую, или именно, какъ говорили наши предки *страдомую* работу совершилъ нашъ простой народъ въ древней Россіи, когда шелъ, проторгался черезъ всѣ лѣса и рѣки Великорусской Земли съ своимъ топоромъ, косой и сохой; поставлялъ, путемъ торга, такіе цвѣтущіе встарину города, какъ Славно-Торгъ или Великій-Новгородъ, Новый-Торгъ и Торжокъ, Вологда и Холмогоры; поставлялъ, путемъ гостьбы въ Чуди, въ Лопи, погосты; посажалъ на черномъ дикомъ лѣсу починки, деревни, села и черныя, народоправныя общины; путемъ этихъ безчисленныхъ *ивашковыхъ починковъ, сенькиныхъ сѣдѣній*, и потомъ,

въ-добавокъ, несъ на себѣ, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, до народогубительной постройки Петербурга, тяжелую повинность *городоваго дѣла*. Древнія писцовыя книги, всѣ изукрашенныя, испещренныя, наполненныя именами мужичковъ-колонизаторовъ, строителей, культоровъ Русской Земли, служатъ нагляднымъ памятникомъ этой великой исторической работы и заслуги древнерусскихъ гостей, купцовъ, посадскихъ и особенно крестьянства. И теперь всѣ эти труженики, строители древней Россіи, городской и сельской, считая грѣхомъ быть записанными не въ писцовыя старыя книги, а въ подушную *переписную книгу* Петра I-го, въ книгу ревизіи душъ, притяженія, прикрѣпленія личности, души царю, отвлеченной идеѣ государства, оставляютъ свое старое земское строенье, подвергаются добровольно *оземствованію*, бѣгутъ въ лѣса, въ горы и въ пустыни, чтобъ спасти души отъ Антихриста и вновь колонизовать области, устроить посады, слободы вольныя, свободныя, на началахъ свободнаго общиннаго самоустройства и общиннаго самоуправленія. По собственнымъ словамъ

ихъ, *страхъ Антихристовъ возвѣялъ на міръ*, произвелъ *мірское смущенье*, побуждалъ ихъ бѣжать изъ міра въ пустыни. И вотъ почему, пустыня, въ Антихристовы лѣта гоненья, была для гонимыхъ староверовъ прекрасною матерью, любезною дружиною. Вотъ одинъ изъ любимѣйшихъ ихъ стиховъ:

Прекрасная мати пустыня,
Любезная моя дружина!
Пришелъ язъ тебя соглядати.
Потщися мя воспріяти,
И буди мнѣ яко мати,
Отъ смутнаго міра пріими мя,
Со усердіемъ въ тя убѣгаю.
Пойду по лѣсамъ, по болотамъ,
Пойду по горамъ, по вертепамъ,
Да гдѣ бы въ тебѣ водвориться.
Поставлю въ тебѣ малую хижу,
Полезное въ ней азъ увижу.
Кокушка въ тебѣ воскокуетъ,
Умильный гласъ испущаетъ,
И та мене поучаетъ.
Пойду язъ въ лѣса разгуляться,
Плодовитыя древа соглядати,
И тѣ мнѣ пользу показуютъ,

Труды любить прообразують.
На которомъ деревѣ плода нѣту,
И тѣ мене поучають.
Прекрасная мати пустыня!
Отъ смутнаго міра прими мя,
Аще изъ тебя и погонятъ,
Прекрасная мати пустыня,
Любезная, не изжени мя.
Не знаю себѣ, что̀ и быти,
Да гдѣ мнѣ главу подклонити,
Понеже Антихристовы дѣти
Всюду простираютъ на насъ сѣти,
Хотятъ они насъ уловити,
Антихристу покорити,
А вѣру Христову перемѣнити.
Прекрасная мати пустыня!
Отъ сего лукаваго изми мя,
Потщахся въ тебе убѣжати.

И такъ одинъ за другимъ сбѣгались старовѣры въ пустыни, и мало-по-малу заселяли ихъ. По собственнымъ словамъ, стекались они въ пустыни, на новыя мѣста, «изволяюще странствіе, оземствованіе паче утѣшенія своими мѣстами, отъ которыхъ отступались, и сицевыми народами пустыя мѣста и звѣропаственныя населя-

хуся, и вмѣсто деревъ, людей умноженіе показася, трава и терніи растущія въ вертограды и садовія обратишася, гради вторіи показашася населеніемъ человѣкъ». И все это стремленіе ихъ къ новому колонизаціонному, общинноэкономическому самоустройству проистекало изъ одного убѣжденія, что въ прежденаселенныхъ городахъ и селахъ великорусскихъ, въ имперіи, водворился «Антихристъ, иже есть Петръ I-й». Это внутреннее, непреодолимое убѣжденіе твердило имъ, вопіяло въ нихъ: «Удалятися и бѣгати намъ подобаетъ во Антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, понеже въ откровеніи Іоанна-Богослова, въ главѣ 12-й, писано, яко Церковь побѣжитъ въ пустыню, вѣрніи христіане, истинніи рабы Христовы, побѣжатъ въ горы и вертепы, и спасутся. Понеже Петръ нача гонити и льстити и искореняти останокъ Русіи, своя новыя умыслы уставляя... Господь чрезъ Іеремію пророка взываетъ: изыдите, изыдите люди моя изъ Вавилона!»

Что жь, однако, какая магическая сила увлеченія была въ этомъ убѣжденіи раскола? Ужели

тутъ мотивировало массы одно отвлеченно-религіозное, религіозно-фантастическое или мистико-апокалипсическое вѣрованье? Нѣтъ, не думаемъ, да и нельзя думать такъ. Народъ русскій до того практиченъ, до того склоненъ къ реализму, къ положительности, до того неспособенъ оторваться отъ *земли* за облака, что *землю* взялъ за основу всего своего общиннаго устройства, соціальную гражданственность називалъ *земскимъ строеньемъ*, людей называлъ *земскими людьми*, ихъ собранія и думы *земскими совѣтами*, *земскими соборами*, статистическія таблицы *землянымъ дѣломъ*; единицы измѣренія и исчисленія у него были непосредственно-натуральныя, напримѣръ: стрѣляніе лука, выть, обжа, вода и т. п. Естественность воззрѣнія до такой степени была въ духѣ народномъ, что, вотъ, только-что возникшее новое *согласье* раскола—*пастухово*, учитъ, что должно ходить по простой землѣ, а не по мостовой каменной: мостовая-де каменная Антихристова выдумка. Такъ точно и всѣ массы раскола, крѣпко держась, по старинѣ, за *землю*, за *земство*,

за *земское устроенье* и, подвергшись, въ Антихристово время, *оземствованію*, пошли на новыя земли, въ лѣса и горы, искать новаго колонизаціоннаго и матеріально-хозяйственнаго свободнаго земскаго устроенья. Если тутъ есть что-нибудь мистико-идеалистическое, такъ это только идеальное умосозерцаніе и исканіе свободнаго соціальнаго, народноправнаго самоустройства, саморазвитія и самоуправленія, по реальной идеѣ крестьянскаго *міра, мірскаго согласья, мірскаго схода* и крестьянской общины.

Какіе же, однако, были эти реальные, практическіе, положительные, непосредственно-жизненные мотивы эмиграціи, *оземствованія* раскола и стремленія къ новому самостоятельному, независимому земскому устроенію? Поищемъ, спросимъ, не скажетъ ли намъ объ этомъ ктонибудь изъ самихъ раскольниковъ или изъ современниковъ Петра, а потомъ и всѣ согласія раскола петровской эпохи. Поищемъ въ архивахъ собственныхъ раскольничьихъ сочиненій, ихъ историческихъ сказаній о состояніи народа во времена Петра. Въ то же время, письменность

раскольничья получала широкіе размѣры и самое либеральное направленіе. У раскольниковъ же были талантливые писатели, въ родѣ исторіографовъ Денисовыхъ. У нихъ были свои библіотеки, и даже ужь возникали первыя въ Россіи книжныя лавки. «Въ Москвѣ—читаемъ еще въ соборномъ актѣ 1681 года—всякихъ чиновъ люди пишутъ въ тетрадяхъ, и на листахъ и въ столбцахъ выписки, именуя отъ книгъ божественнаго писанія и продаютъ у Спасскихъ воротъ и въ иныхъ мѣстахъ, и въ тѣхъ письмахъ на преданныя святой церкви книги является многая ложь; а простолюдины, не вѣдая истиннаго писанія, пріемлютъ себѣ за истину, и выростаетъ оттого на святую церковь противленіе». Мысль, ученіе раскола такъ были жизненны, полны вопросовъ, что и слово его изливалось обильно. Въ царствованіе Петра, раскольничья литература сильно распространилась и получала не только противоцерковный, но и гражданско-демократическій смыслъ. Многое бы можно было узнать изъ этой раскольничьей письменности петровскаго времени, еслибъ перечитать ее. Къ-

сожалѣнію, гоненія, тогда воздвигнутыя на раскольничьи книги и рукописи, истребили ихъ. Петръ-Первый, указомъ 1701 года января 31, запретилъ монахамъ держать по кельямъ чернила и бумагу. А съ 1720 года, октября 5-го, является у насъ *ценсура*, или предварительный просмотръ рукописей, по слѣдующему поводу: «Содѣлалось извѣстнымъ — говоритъ указъ — что въ типографіяхъ черниговской и свято-троицкой-ильинской и въ кіево-печерской печатаются *со многою противностью* восточной Церкви, напримѣръ, въ первой изъ нихъ напечатанъ *учебный часословъ* съ ересью *раскольническою и книга богомыслія*, гдѣ явилась многая лютеранская противность. Вслѣдствіе того, указано не печатать въ этихъ типографіяхъ ни одной книги *безъ дозволенія духовной коллегіи*». Затѣмъ слѣдовалъ указъ 1721 г. марта 20, которымъ воспрещалось продавать въ Москвѣ изображенія духовнаго содержанія и книги писанныя и печатныя *безъ дозволенія, подъ страхомъ жестокаго отвѣта и безпощаднаго штрафованія*. Затѣмъ, въ 1724 г., указомъ Синода

предписано было духовнымъ управителямъ объявлять раскольничьи рукописныя книги. Такимъ-образомъ, выходятъ справедливыми слѣдующія слова недавно-вышедшей раскольничьей «Церковной Исторіи»: «Старовѣры говорятъ, кому неизвѣстенъ духъ Петра I-го, какой былъ ненавистникъ древности. Всѣ, со временъ Алексѣя Михайловича, памятники истреблены при Петрѣ! Впрочемъ, хотя многіе современные памятники вѣчному забвенію преданы, и старообрядцамъ въ Россіи, подъ строгимъ наказаніемъ, отъ лѣтъ Никона, да и до нынѣ совершенно уста заключены писать о церковныхъ перемѣнахъ; но, однако, у старовѣровъ малыя нѣкія тетрадныя изъ рукъ въ руки переписки влекутся».

Воспользуемся и мы этими «тетрадными переписками», какія есть подъ руками, для того, чтобъ хоть сколько-нибудь уяснить тайные, сокровенные мотивы земскихъ стремленій раскола съ XVIII-го столѣтія. Но, напередъ, попытаемся, не найдемъ ли какое-нибудь *подметное письмо* отъ сторонниковъ земства и раскола противъ Петра и его нововведеній. Подметныхъ же пи-

семъ, послѣ Талицкаго, являлось множество. Самъ Петръ писалъ въ именномъ указѣ 1715 года января 25: «Многія являются подметныя письма, въ которыхъ большая часть воровскихъ и раскольническихъ вымышленій, которыми подъ видомъ добродѣтели ядъ свой изливаютъ». Въ этомъ же, 1715 году, въ Петербургѣ, у симеоновской церкви, одинъ старикъ подкинулъ противное Петру письмо, «не для чего иного, только соболѣзнуя о народѣ, *къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ податей*». Потомъ, въ Москвѣ, приходскій попъ Авраамъ бралъ у того же старика какія-то «сочиненныя имъ воровскія о возмущеніи народа противъ царскаго величества тетради, бралъ ихъ на домъ, читалъ и держалъ больше недѣли». Потомъ, возвращая эти письма старику, попъ говорилъ, «что то онъ дѣлаетъ хорошо». Что̀ это за «воровскія письма въ *возмущеніи народа* противъ его величествія писанныя *къ народной пользѣ, чтобъ какъ было легче отъ податей?*» Не найдется ли въ нихъ чего-нибудь для объясненія раскольничьяго ученія о *послѣднемъ времени* и объ *Антихристѣ, еже*

есть Петръ I-й, для объясненія этого неудержимаго бѣгства многочисленныхъ массъ народа, вслѣдъ за расколомъ, въ лѣсныя согласія, отъ «даней многихъ и новшествъ» Петра? И кто сочинялъ и подкидывалъ всѣ эти письма? Поищемъ и разсмотримъ.

На первой недѣлѣ великаго поста, въ 1718 г., въ одной изъ отдаленныхъ улицъ Москвы, недалеко отъ Сухаревой башни, въ деревянномъ домѣ, въ бѣдной палатѣ своей, сидѣлъ съ листомъ въ рукѣ, старикъ, глубоко задумавшись. Передъ нимъ на столѣ разбросана была кипа тетрадей. Въ одной тетрадкѣ, въ четвертую долю, на 18 страницахъ, «выписано вкратцѣ изъ книги св. отца Григорія Богослова, *ко признанію мужа характира, дѣло гражданина,* при смѣшеніи судіи и законоположника: послѣдняго чиномъ, перваго же дѣломъ таинственнаго измета ученіе». Въ концѣ этой тетрадки—приписка старика о *характерѣ, о дѣлѣ гражданина,* съ намекомъ на характеръ Петра I-го: «а той образъ такой же внезапу найде на насъ» приписалъ старикъ, сказавши «о злыхъ и горькихъ многихъ видахъ того характера». Возлѣ лежали

выписки изъ *апокалипсиса*, изъ псалмовъ Давида, изъ другихъ библейскихъ книгъ и изъ твореній Григорія Богослова и Григорія Назіанзина. Далѣе, въ четвертой тетрадкѣ, кромѣ выписокъ изъ Григорія Богослова, приписано самимъ старикомъ въ началѣ какое-то «моленіе къ велиціимъ господіемъ, сопрестольніимъ судіямъ и вождямъ», а въ концѣ — «къ архипастыріемъ всея вселенныя, великія Россіи учителіемъ». Въ концѣ такая, между-прочимъ, приписка старика: «написалъ сіе мнѣніемъ своимъ или чьимъ свыше повелѣніемъ *отъ многой туги и скорби своей видѣлъ озлобленіе и преткновеніе израилевыхъ людей*, за ревность и жалость дому святаго и душъ христіанскихъ неповинно влекущихъ, но молю стократно вашу святыню... у земнаго царя прилежно упросите, чтобъ онъ *за великимъ страхомъ своимъ* не повелѣлъ вамъ мя предати духовной казни». И много другихъ бумагъ лежало на столѣ.

Старикъ держалъ въ рукѣ письмо, которое начиналось текстомъ такъ: «Божественное писаніе глаголетъ, слушателіе православные; что

есть человѣкъ, яко помниши его... Славою и честію вѣнчалъ еси его, поставилъ еси его надъ дѣлы руку твоею, вся покорилъ еси подъ нозѣ его, ничто же остави ему непокорена, покорена ему суть всяческая, сотвори его Богъ по образу и по подобію своему и самовластну повелѣно быти». Подлѣ, на столѣ, лежалъ особый листъ, на которомъ написанъ былъ отдѣльно этотъ же текстъ. На глубокія и вмѣстѣ грустныя думы наводилъ старика этотъ стихъ, которымъ начиналось письмо. Онъ думалъ о высокомъ достоинствѣ человѣка, о его естественномъ правѣ на личную свободу, на полное самоуправленіе, даже на покореніе себѣ природы. И потомъ, вдругъ послѣ этой думы, старческій лобъ его нахмуривался, напрягался глубокими морщинами, какъ-бы нависая надъ глазами, а глаза нѣсколько вкатывались, впадали въ глубь подлобья. И мрачная туга, скорбь, грустная дума отражались въ эту минуту на лбу старика. Отъ идеала текста мысль его переносилась къ мрачной, грустной дѣйствительности въ судьбѣ русскаго человѣка. Отъ высокаго идеала текста, старикъ перенесся

къ печальному состоянію всего русскаго народа, въ то тяжелое время казни стрѣльцовъ, жестокихъ рекрутскихъ наборовъ, безпрерывнаго увеличенія налоговъ и сборовъ съ міру, безчеловѣчныхъ правежей, гибели посылаемаго народа тысячами въ Петербургъ, же.токаго гоненія раскола, и проч. Отъ идеала текста дума старика пронеслась по всей широкой Землѣ Великорусской, по всѣмъ городамъ и селамъ, по всѣмъ хижинамъ горя-злочастья, и даже по лѣсамъ заповѣднымъ... И вдругъ, морщины на лбу у него сгладились, глаза сверкнули огнемъ, и тяжелая туга души, боль сердца облегчилась восторженной, твердой рѣшимостью... И пятидесяти-семи-лѣтній старикъ, бывшій подьячій въ Артиллерійскомъ Приказѣ, старообрядецъ Докукинъ, рѣшился прибить въ Петербургѣ, на площади у Троицкой церкви, возлѣ дворца Петра, сочиненное имъ возмутительное письмо, которое онъ держалъ въ рукахъ. Изъ этого-то письма мы узнаёмъ, что̀ тогда, кромѣ многаго другаго, мутило, *раскалывало* пополамъ земство, не только разъединяло, расщепляло его на сословія, но

и отторгало, отщепляло отъ него огромную массу народа въ расколъ. Какъ многочисленныя массы земства бѣжали, вслѣдъ за расколомъ, въ лѣса и пустыни, отрекались отъ государства по тому убѣжденію, что настало послѣднее время Антихристово, такъ и Докукинъ хотѣлъ взбунтовать народъ, также «признавая, яко бы *нынѣшнее послѣднее время*». Съ этой точки зрѣнія, онъ раскрылъ намъ многія жизненныя причины, побуждавшія народъ бѣжать въ лѣса и пустыни, для новаго самоустройства и торгово-промышленнаго обзаведенія. Вотъ то письмо, которое Докукинъ хотѣлъ прибить у Троицкой церкви:

«Божественное писаніе глаголетъ, слушателіе православные: что есть человѣкъ, яко помниши его, или сынъ человѣческій, яко посѣщаеши его, умалилъ еси его малымъ чѣмъ отъ ангелъ, славою, честію вѣнчалъ еси его и поставилъ еси его надъ дѣлы руку твоею, вся покорилъ еси ему подъ нозѣ его, ничто же остави ему непокорено, покорена же суть ему всяческая, но сотвори его Богъ по образу и по подобію своему и самовластну ему повелѣно быти.

«Что смѣемъ отвѣщать противу слова сего, мы, отъ новаго Израиля и Іерусалима, живущіе во Христовѣ вѣрѣ царствующаго града Москвы и прочихъ россійскихъ градовъ жительствующіе? речемъ ли что противу силы онаго божественнаго писанія, или оставимъ? Если *нынѣ* вѣрно намъ слово сіе, или *ни отвѣщаемъ ли что, или положимъ устомъ своимъ хранило, понеже стако противу рожна прати...*

«Но зрите, о правовѣрные христіанскіе роды, како мы... здѣсь живущіе на землѣ, отъ онаго божественнаго дара многіе отрѣзаеми и свободной жизни лишаеми, гоними изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града во градъ, оскорбляемы, озлобляемы, домовъ и торговъ, земледѣльства, такожде и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ.... и всякаго во благочестіи живущихъ состоянія, и градскихъ и древле уставленныхъ законовъ лишились; о суетныхъ своихъ дѣлахъ и въ лестныхъ ученіихъ обычай свой измѣнили, слова и званія нашего славянскаго языка и платья перемѣнили, главы и брады обрили и персоны свои ругательски

обезчестили; нѣсть въ насъ вида и доброты разнствія съ иновѣрными языки... послѣдуемъ ихъ нравамъ и законамъ... Смѣшашася языкомъ и дѣломъ ихъ навыкоша, а свои христіанскіе обѣты опровергоша... и правый путь у насъ исчезоша, страннымъ и невѣдомымъ путемъ пойдоша... и неудобной и стремнинной путь себѣ многими трудами и потами пріобрѣтоша, свободныя власти и чести отпадоша, по оному божественному писанію намъ дарованныя, видимъ дѣломъ совершаемо, а не письму сему послѣдуемъ. Древеса самыя нужныя въ дѣлахъ нашихъ повсюду заповѣданы быша, рыбныя ловли и торговые и заводскіе промыслы отняты многіе и вездѣ бѣдами погружаемы, на правежехъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей и не... оброковъ налагаемыхъ, гладомъ истаеваеми и многіе отъ того умерщвляеми, домы и приходы запустѣли, святыя церкви обетшали, древодѣлей и каменосѣтцевъ отгнали, плинѳы на созиданія церквей и домовъ дѣлать заказали, на воздухъ пути намъ къ жизни не указали и сами себѣ тамошняго пути не сыскали, а пришельцевъ иновѣрныхъ языковъ

щедро и благоутробно за сыновленіе себѣ восприняли и всѣми благами ихъ наградили, а христіанъ бѣдныхъ бьючи на правежахъ и съ податей своихъ гладомъ поморили и до основанія всѣхъ разорили и отечество наше пресловущіе грады... опустошили. И что̀ иное рѣщи! И писанія неудобно изнести: удобнѣе устномъ своимъ ограду положить. Но вельми сердце ми болитъ, видя опустошенія новаго Іерусалима и людъ въ бѣдахъ язвленъ нестерпимыми язвами...»

Вотъ какіе горькіе мотивы, между-прочимъ, двинули многочисленную массу земства въ расколъ, въ лѣса... Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ и подумаемъ...

Люди старой вѣры, вмѣстѣ съ Докукинымъ, вопіяли при Петрѣ, во-первыхъ, противъ *лишенія свободной жизни*, и многіе оттого бѣжали въ расколъ. Этотъ вопль былъ не только выраженіемъ естественнаго права народнаго, но и проистекалъ изъ историческихъ, изстаринныхъ воспоминаній приверженнаго къ старинѣ народа. Встарину, всѣ земскіе люди, гости посадскіе и крестьяне, пользовались полнымъ правомъ жи-

тейской свободы, жили *на всей своей волѣ*. Горожане назывались *вольными мужами;* крестьяне тоже—*вольными, охочими людьми*. Свобода была основой земскаго, территоріальнаго устройства народной жизни. Принципомъ свободнаго перехода земскихъ людей было правило: *вольнымъ воля*. Въ самомъ названіи усадьбы, осѣдлости, ассоціаціи вольнаго, свободнаго труда выразилась идея свободы: свободное торгово-промышленное поселеніе называлось *слободой* — отъ слова *свобода;* писалось: *ослободилъ слободу поставить*. Вслѣдствіе сильной, несдержимой, полной воли, развился въ народѣ могучій колонизаціонный духъ, широкій разгулъ, просторъ воли. Новгородскій *ушкуйникъ* и волжскій *бѣгунъ, бѣглецъ* древней Россіи — вотъ типы этой воли и свободнаго колонизаціоннаго духа. Вслѣдствіе исконной, естественной свободы жизни, земскіе люди привыкли къ свободному выбору поселенія — на посадѣ или въ селѣ, или въ лѣсномъ починкѣ; привыкли къ свободному выбору труда — торга, промысла, ремесла или земледѣлія: не знали какихъ-нибудь ратушныхъ

стѣснительныхъ ограниченій и условій, кому торговать и промышлять при какихъ условіяхъ; не знали паспортовъ—прикрѣпленности къ мѣсту или къ сословію, цеховой корпоративной замкнутости и крѣпостности, и т. п. И вотъ, когда появилось первое ограниченіе воли, прикрѣпленіе къ мѣсту, вмѣстѣ съ государственнымъ тягломъ; когда настало прикрѣпленіе крестьянъ къ сельской землѣ, посадскихъ къ посадской—земскіе люди постоянно *избывали отъ тягла*, стремились *жить на льготѣ, на волѣ, не хотя быть въ тяглѣ, чинились сильны и государеву указу непослушны*, бѣжали на волю, самохотно селились въ льготныя, свободныя торгово-промышленныя слободы. Въ XVII вѣкѣ образовался такимъ-образомъ огромный классъ народонаселенія такъ-называемыхъ *вольныхъ гулящихъ людей* и *избылыхъ отъ тягла.* Эти *вольные гулящіе люди* саможизненно, фактически выразили реакцію, протестацію противъ правительственнаго *лишенія* народа *свободной жизни.* Точно также, вслѣдствіе естественнаго стремленія земства, вольныхъ, охочихъ людей къ свободному

колонизаціонному и экономическому самоустройству, въ XVII-мъ столѣтіи, во всѣхъ областяхъ, около всѣхъ городовъ, заселились большія богатыя торгово-промышленныя *слободы*. Развиваясь на льготѣ, на свободѣ, эти слободы легко богатѣли, процвѣтали торговлей и промышленностью, тогда-какъ рядомъ съ ними, тяглыя, несвободныя общины, постоянно *бѣднѣли, оскудали и разорялись*. «Нынѣ (читаемъ въ актахъ про свободныя слободы) на Москвѣ и около Москвы и по городамъ, на посадахъ и около посадовъ, заведены слободы.... а въ тѣхъ слободахъ живутъ многіе торговые и ремесленные люди и дворники торговые крестьяне, и всякими промыслами и торгами большими на Москвѣ и въ городахъ торгуютъ и промышляютъ, и многими лавками и анбарами и соляными варницами посадскими владѣютъ... а живутъ они всегда во льготѣ». Это свободное, колонизаціонное, самоустройство слободъ выразило жизненно-народную реакцію противъ указно-правительственной колонизаціи, противъ лишенія свободной жизни въ казенныхъ, тяглыхъ общинахъ; выразило есте-

ственное стремленіе народа къ свободному общинному самоустройству. А это живое экономическое процвѣтаніе свободныхъ торгово-промышленныхъ слободъ, въ противоположность *обѣднѣнію, обнищанію* несвободныхъ тяглыхъ общинъ, выразило естественный результатъ, законъ свободнаго экономическаго развитія, и вмѣстѣ съ тѣмъ представляло живой, фактическій протестъ противъ всякаго стѣсненія народной торгово-промышленной жизни. Отсюда видно, что сама жизнь народа естественно просилась къ свободному территоріальному самораспредѣленію и экономическому саморазвитію. А какъ во второй половинѣ XVII-го вѣка и въ царствованіе Петра, съ развитіемъ всеобщей, всенародной крѣпостности и повинности государству, и свободныя торгово-промышленныя слободы дѣлались *государевыми*, казенными, и классъ вольныхъ гулящихъ людей уничтожался, то, естественно, это должно было вызвать реакцію со стороны всѣхъ этихъ вольныхъ гулящихъ людей и свободныхъ слободъ. Вольные *слободскіе люди*, привыкшіе жить въ своихъ слободахъ на

льготѣ, на свободѣ, несмотря на всѣ запретительные указы съ 1648 по 1710 годъ, упорно продолжали жить въ слободахъ, не платя тягла. А когда Петръ сталъ ихъ сильно преслѣдовать и принуждать нести тягло и службы вмѣстѣ съ тяглыми посадскими людьми, многіе изъ нихъ бѣжали въ лѣса, къ раскольникамъ, въ Малороссію, въ Сибирь, и тамъ заселяли и основывали новыя *раскольничьи слободы.* Къ нимъ туда съ охотой бѣжали и изъ тяглыхъ посадовъ купцы и посадскіе, жаждавшіе свободной жизни. Точно также поступали и вольные гулящіе люди. Петръ-Первый указомъ 1 іюня 1722 года, рѣшительно уничтожалъ классъ свободныхъ, вольныхъ гулящихъ людей: они должны были идти въ солдаты, а если въ военную службу не годятся, то искать другихъ службъ, или поступать въ полные холопы къ частнымъ лицамъ; они уже не могли оставаться безъ службы, или, въ противномъ случаѣ, ссылались, какъ праздношатающіеся, на галерную работу. Несмотря на этотъ указъ, вольные гулящіе люди оставались и послѣ Петра. А при немъ, отъ военной службы, отъ

холопства и отъ галерной работы, они бѣжали въ расколъ. Пока не было еще согласія *бѣгуновъ*, они приставали ко всякой странствующей пропагандѣ раскола, и въ расколѣ, по старинѣ, оставались вольными гулящими людьми, приволыю бродили отъ Польши до тобольскихъ раскольничьихъ слободъ, отъ поморскихъ скитовъ до керженскихъ лѣсовъ.

При Петрѣ всѣ лишались свободной жизни. Ревизія 1719 года каждую душу отъискивала, записывала въ «переписную книгу», дѣлала крѣпостною государству. Паспортъ прикрѣплялъ къ мѣсту или сословію. Фискалы на каждомъ шагу слѣдили за гражданами, тайно подслушивали подъ окнами ихъ домовъ, привязывались къ зажиточнымъ крестьянамъ и посадскимъ, къ богатымъ купцамъ. Каждый, дворянинъ ли, крестьянинъ ли, купецъ ли, долженъ былъ то-и-дѣло ждать «жестокой приказной присылки» изъ Губернской Канцеляріи, изъ Губернскаго Приказа. Вдругъ наѣзжали солдаты, сковывали и «за пустую справку приказную» отрывали отъ семьи, отъ работы, волокли со всякою отповѣдью въ

городъ, за 500, за 600 верстъ, недѣль на 10. Молодой крестьянскій парень только-что женился; а тутъ вдругъ наѣзжали офицеры съ командой, сковывали его, въ цѣпяхъ, въ страшную распутицу, вели въ городъ забрить въ рекруты и сажали въ тюрьму или въ острогъ. А крестьяне, въ силу крѣпостнаго состоянія, лишались даже и права жениться безъ дозволенія помѣщика. Плачется, напримѣръ, и «бьетъ челомъ государю своему Ивану Прокофьевичу крестьянишко его Панька Кузминъ: волею Божіею женишка у меня умерла, а послѣ ее остались трое робятъ; и я, сирота твой, другой годъ не женатъ, а въ чужихъ барщинахъ не даютъ, за выводъ прошаютъ рубля по три за дѣвку; и ты пожалуй меня крестьяниномъ по старому, есть въ твоемъ государевомъ помѣстьѣ, въ деревнѣ Полутицѣ, дѣвка у Мишки Абрамьева; и ты пожалуй меня, сироту твоего, Иванъ Прокофьевичъ, *ослободи* меня на той дѣвкѣ жениться. А Мишка Абрамьевъ жеребей земли своей совсѣмъ покинулъ, могуты его пахать не стало, а онъ, Мишка, и съ дѣвкою хочетъ брести изъ твоего го-

сударева помѣстья прочь». Точно также и посадскимъ людямъ запрещено было жениться на волостныхъ дѣвкахъ и выдавать замужъ дочерей своихъ безъ увольнительныхъ видовъ. Такіе безправные, даже и въ семейномъ отношеніи, посадскіе и крестьяне охотно бѣжали въ скиты раскола, гдѣ и браковъ вовсе не было, а была «любовь Христова», женщины были эманципированы расколомъ, или бракъ основывался только на взаимномъ согласіи, на любви, да много-что иногда на благословеніи родителей. Крестьяне, признавая несвободный бракъ, или союзъ мужчины съ женщиной, не истиннымъ, сами отправляли дочерей своихъ въ раскольничьи скиты, какъ напр. говорилъ одинъ поморскій крестьянинъ: «нынѣ-де истиннаго брака нѣтъ; а нынѣ-де онъ большую дочь свезъ въ Выгорѣцкое общежительство, да и младшую дочь хочетъ туда же отдать». Равнымъ образомъ туда же, въ мірскія согласья раскола, бѣжали и крестьяне, которыхъ тогда, — по словамъ указа Петра, 15 апрѣля 1721 года,—*продавали какъ скотовъ, врознь*! Бѣжалъ въ расколъ всякій, кто тяготил-

ся угнетенностью, порабощенностью личности, желалъ свободнаго исхода, свободной жизни. Расколъ всѣхъ принималъ. Онъ возвышалъ въ своихъ ученіяхъ нравственное, человѣческое достоинство простыхъ людей; возводилъ ихъ въ почетныя выборныя должности, въ бородѣ видѣлъ образъ и подобіе Божіе, знакъ естественнаго равенства всѣхъ людей. Расколъ, хотя и самъ подвергался при Петрѣ жесточайшимъ гоненіямъ, но былъ оппозиціей за свободу жизни и равенство правъ. Это направленіе его особенно обозначится со второй половины XVIII столѣтія.

Далѣе, Докукинъ въ листѣ своемъ вопіялъ: «Гоними изъ дому въ домъ, изъ мѣста въ мѣсто, изъ града во градъ, домовъ и торговъ, земледѣльства, такожде и рукодѣльства, и всѣхъ своихъ прежнихъ промысловъ лишились... Рыбныя ловли и торговые и заводскіе промыслы отняты». Дѣйствительно, если только вспомнить, какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича и въ царствованіе Петра, крестьянъ и посадскихъ постоянно *свозили, вывозили, перевозили* съ мѣ-

ста на мѣсто, съ посада на посадъ, изъ деревни въ деревню, или изъ селъ на посады, съ посадовъ въ села, иногда за нѣсколько сотъ, даже тысячъ верстъ, то можно себѣ представить, ка́къ крестьяне и посадскіе, въ-самомъ-дѣлѣ въ этой постоянной вознѣ и передвижкѣ лишались торговъ и промысловъ, земледѣлія и рукодѣлій. Посадскіе и крестьяне, по естественному стремленію къ благосостоянію, по старинному праву свободнаго перехода, искали себѣ мѣстъ, гдѣ было жить льготнѣе, свободнѣе, промышлять или торговать выгоднѣе. И только-что укоренялись они въ такихъ мѣстахъ, обзаводились торгами или промыслами, начинали на льготѣ разживаться, какъ наѣзжали сыщики, воеводы съ солдатами и вывозили ихъ на прежнія, покинутыя ими, мѣста; или «бивъ кнутомъ нещадно по торгамъ, ихъ ссылали въ Сибирь на Лену», съ корнемъ разоряли. Между-тѣмъ, крестьяне и посадскіе, естественно, желая жить, торговать, промышлять свободно, не имѣя *могуты* или *нехотя платить государевыхъ доходовъ*, и *презрѣвъ всѣ прежніе великихъ государей указы*,

опять неудержимо бѣжали. Въ 1682 г. всѣ помѣщики и вотчинники въ общей челобитной своей жаловались царямъ Іоанну и Петру, что «*ихъ крестьяне*,—подымаючи ихъ на дальнія службы и платя великаго государя всякія подати,—отъ нихъ многіе разбѣжались». Опять жестокіе сыски, перевозы крестьянъ съ мѣста на мѣсто. Тѣ же сыски, отвозы да перевозы крестьянъ, по указамъ 1683, 1698, 1706 и 1707 годовъ—и постоянно крестьяне лишались торговъ и промысловъ. Лишая крестьянъ свободно-выбранныхъ ими мѣстъ жительства, пахотныхъ земель, рыбныхъ и другихъ промысловъ, не давали имъ и въ городахъ свободно жить и торговать. Указомъ 1700 года 11-го марта, предписано было: крестьянъ, жившихъ въ городахъ и платившихъ тягло, *взять* въ посады; а которые изъ нихъ въ посады не хотѣли, тѣмъ запрещалось вовсе и жить въ городахъ и торговать: запечатывали и конфисковали ихъ лавки, кожевенные и другіе заводы, и продавали. Князь Щербатовъ, хотя рѣзко, но справедливо выразился о такихъ поступкахъ съ крестьянскими промыслами, что «ху-

до поступили съ крестьянами, когда вдругъ лишали ихъ промысловъ городскихъ». Далѣе, указомъ 29 октября 1707 года, крестьяне были лишены права брать на откупъ таможенные и кабацкіе сборы потому только, что они вѣдались не въ ратушѣ и изъ нихъ, въ это время, набирались въ драгуны, солдаты и рекруты. Между-тѣмъ, многіе промыслы, прежде принадлежавшіе крестьянамъ, теперь отдавалиеь на откупъ заводамъ и другимъ монополистамъ, например: рыбныя ловли въ Архангельской губерніи. Крестьяне уходили артелями на заработки, наприм. въ низовые города и въ другіе, кормиться красильнымъ промысломъ или другимъ какимъ-либо,—торговать, и ихъ по причинѣ правежей съ міра тягла, отрывали отъ заработковъ и промысловъ, тащили на тѣ мѣста, гдѣ они были приписаны. Въ плакатѣ 1724 года іюня 26, предписано было отпускать крестьянъ на работу съ паспортами, не далѣе какъ на 30 верстъ отъ ихъ мѣстожительства. Между-тѣмъ сколько народу сгоняли на казенныя работы и промыслы за тысячи верстъ!! Для постройки Петербурга

пригоняли ежегодно, втеченіи многихъ лѣтъ сряду, изъ самыхъ дальнихъ областей, до 40,000 работниковъ! Для постройки крѣпости на острове Котлинѣ также тысячи народа вызывались изъ губерній: указомъ 16-го января 1712 года требовалось 3,000 работниковъ; въ 1714 году требовалось въ Петербургъ и на Котлинъ—«къ городовымъ дѣламъ»—34,000 человѣкъ! Тысячи народа сгонялись въ Азовъ; для прорытія Ладожскаго канала на 104 версты, на казенные заводы. Устроивъ болѣе 200 фабрикъ и заводовъ, Петръ приписалъ къ нимъ тысячи крестьянъ! Смотрители заводскіе наживались, въ ущербъ самой коронной казнѣ, а крестьяне изнурялись отъ заводской работы, безъ домашняго хозяйства. Всѣ эти работы, очевидно, отрывали народъ отъ торговъ, ремеслъ, заводскихъ и другихъ промысловъ. Докукинъ жалуется, что *древодѣлей и каменосѣчцовъ отгнали*. И точно, съ 1712 года по 1718 постоянно переводили, сгоняли въ Ингерманландію каменьщиковъ, кирпичниковъ, мастеровыхъ людей и ямщиковъ, и такимъ-образомъ лишали крестьянскія волости

нужныхъ людей; плотники изъ дворцовыхъ волостей были наряжаемы въ 1716—18 годахъ для заведенія русскихъ слободъ около мызы Сари. Въ 1702 году даже изъ Кунгура,—по указу правительства,—высылали плотниковъ для строенія города Затона, а кузнецовъ на Таганъ-Рогъ! Такія казенныя отлучки и работы естественно отрывали крестьянъ отъ заработковъ, промысловъ и ремеслъ, да и крестьянскія волости лишали хорошихъ каменьщиковъ, кирпичниковъ, плотниковъ и другихъ мастеровыхъ людей. Затѣмъ Докукинъ жаловался, что земскіе люди «на правежѣхъ стоя отъ великихъ и несносныхъ податей и оброковъ, съ голоду помирали и до основанія разорялись; что на правежѣхъ ихъ били нещадно»! Все это вопіющая истина, которую изображалъ Посошковъ, въ которой сознавался самъ Петръ во многихъ своихъ указахъ. Въ именномъ указѣ сенату въ 1717 году онъ самъ писалъ: «Господа Сенатъ! Я слышу по стороннимъ вѣдомостямъ, что въ губерніяхъ несносные правежи чинятся». Правежи тиранили народъ, подати и безчисленные и разно-

образные поборы не только поземельные и подушные, но и хомутейные, прикольные, посаженные, мостовые, пчельные, банные, кожные, покосовшинные, съ подводчиковъ десятые и тому подобные вымышленные сборы просто разоряли народъ, или причиняли *людямъ трубацію великую*, — какъ выразился Посошковъ. Оттого расколъ и возсталъ противъ *даней многихъ*.

Какъ крестьянъ, такъ и торговыхъ людей отрывали отъ торговли. Напримѣръ, изъ городовъ Европейской Россіи, посылали купцовъ на службу, въ головы и цѣловальники, въ отдаленные сибирскіе города. Кромѣ-того, многіе гости всѣхъ сотень, купецкіе, посадскіе и промышленные люди всѣхъ черныхъ сотень, *отъ волокитъ и притѣсненій приказныхъ людей вовсе отбыли своихъ торговъ и промысловъ*, — какъ писалъ самъ Петръ въ указѣ 30 января 1699 года. Далѣе, Берг-Коллегія, и Мануфактуръ-Коллегія, централизуя въ казенное вѣдомство мѣстнообластные естественные матеріалы и условія народной промышленности, и раздавая привилегіи бо́льшею частью однимъ иностран-

цамъ, лишали тысячи народа вольныхъ ремеслъ, заводскихъ и рукодѣльныхъ промысловъ! Между-тѣмъ и для видовъ самого правительства, Мануфактуръ-Коллегія — по словамъ Щербатова — «разными злоупотребленіями не только полезна, но и вредна учинилась». Затѣмъ, были цѣлые разряды людей, напримѣръ, служилые, которымъ рѣшительно воспрещались какіе бы то ни было торговые промыслы. Наконецъ, за одно брадобритіе, за старую вѣру, лишали права на подряды, отрывали отъ домовъ, отъ торговъ и промысловъ, везли въ застѣнки Преображенскаго Приказа и Тайной Канцеляріи, ссылали въ Рогервикъ, въ Сибирь. Отрывая отъ собственныхъ промысловъ, гнали ихъ на работу въ казенные заводы. Отъ этого гоненія, старообрядцы оставляли свои домы и промыслы и разсѣевались по лѣсамъ. Такъ было, напр., послѣ 1702 года, когда выговцевъ заставили работать на желѣзныхъ заводахъ повѣнецкихъ. «И отъ того времени — говоритъ лѣтописецъ ихъ — Выговская пустынь быти нача подъ игомъ работы у повѣнецкихъ заводовъ, а вѣдома на петровскомъ за-

водѣ. И начаша людіе съ разныхъ городовъ,—староверства ради,—отъ гоненія собиратися и поселятися по блатамъ, по лѣсамъ, между горами и вертепами и между езерами, въ непроходимыхъ мѣстахъ скитами и собственно келіями, гдѣ возможно». Во внутреннихъ великорусскихъ областяхъ, староверы скитались изъ дома въ домъ, изъ города въ городъ, изъ села въ село, чтобъ только укрыться отъ гоненія. «Многіе раскольники—читаемъ въ сенатскомъ указѣ 1722 года—не хотя себя объявить, кроются, переходя живутъ по городамъ, селамъ и деревнямъ, гдѣ имъ сколько тѣмъ укрывательствомъ прожить возможно. И для того укрывательства наймуютъ земли, дворы и прочія жилища, дабы познаваемы не были». Безпрестанные доносы и строгіе розыски также заставляли старообрядцевъ скитаться изъ мѣста въ мѣсто. Напримѣръ, когда въ Поморьи попъ Космозерскаго села донесъ отпиской въ Олонецъ, что «изъ Выговской пустыни соловецкіе старцы для ученія народа ходятъ по волостямъ и изъ оныхъ старцевъ одного, именемъ Питирима, поймали и послали за

карауломъ въ Олонецъ», это происшествіе возбудило дѣятельные и строгіе розыски. «И бысть въ то время всѣмъ старовѣрамъ страхъ велій и въ Суземскѣ бысть страхъ всѣмъ боящимся гонителей, и всякому жителю пустынному бѣжащу отъ своихъ келій»—говоритъ—«Исторія Выговской пустыни». Даніилъ Викулинъ, за которымъ послана «погоня и сыскъ», принужденъ былъ скитаться по пустыннымъ мѣстамъ, по островамъ въ Онежской Комсогубѣ, скрываясь въ шалашахъ у рыбаковъ. На Саро-озерѣ, раскольникъ Харитонъ сжегъ келію «того ради, дабы слухъ прошелъ, яко бы людіе гонимін сгорѣша». Толпа испуганныхъ раскольниковъ скиталась всю весну въ чащахъ лѣсныхъ. Точно такъ было въ стародубскихъ лѣсахъ, когда стародубскому полковнику приказано было тамошнихъ раскольниковъ обращать въ православіе. «Таковому указу разгласившуся — повѣствуетъ историкъ бѣглопоповщинскій—ревнители древнихъ преданій бѣгу яшася, по разнымъ мѣстамъ разліяшася; гоненію въ Великороссіи на старовѣрцы належащу, мнози оставляюще своя оте-

чества, течаху во оная на Вѣткѣ прославляемая мѣста, изволяюще странствіе, оземствованіе паче утѣшенія своихъ мѣстъ». На Дону то же было при Петрѣ. Казачій атаманъ Некрасовъ, съ товарищами своими: Гавриломъ Чернецомъ, Иваномъ Дранымъ, Козьмою и Савельемъ Вориновыми, набралъ на Дону кружокъ людей, и, разграбя селенія около Царицына, Дмитріевска и Саратова, ушелъ съ ними на Кубань, отдавшись въ подданство крымское, въ 1708 году. Къ нему туда толпами побѣжали гонимые въ Россіи раскольники, оставляя домы и промыслы, побѣжали казаки съ Дону, изъ Голубинской, Чирской и другихъ станицъ. Тамъ всѣ эти бѣглые раскольники поселились цѣлыми слободами между станицъ казачьихъ.

Вслѣдствіе такихъ гоненій, по причинѣ разоренія многихъ купеческихъ, посадскихъ и крестьянскихъ домовъ, торговъ, сельскаго хозяйства, ремеслъ и заводскихъ промысловъ, естественно, многочисленныя массы должны были искать новыя, свободныя отъ гоненій и запрещеній, мѣста поселенія, вновь заводить торги и промы-

слы. И вотъ, раскольничьи скиты и слободы, несмотря на всѣ гоненія, уже при Петрѣ мало-по-малу обстроивались въ лѣсахъ новыми *починками*, расчищали изъ-подъ лѣсовъ пашни и огороды, обзаводились торгами и промыслами. Съ *починковъ* начиналась раскольничья колонизація въ лѣсахъ, какъ и въ древней Россіи было, при первоначальной колонизаціонной расчисткѣ и обстройкѣ Великорусской Земли. Такъ въ керженскихъ лѣсахъ *починками* назывались первоначальныя раскольничьи поселенія, состоявшія изъ одного двора или изъ одной кельи. Какъ въ древней Россіи,—по словамъ одного памятника XIV вѣка,—земледѣлецъ *паче дому любилъ пустыню*, сначала одинъ забирался въ темный, дремучій лѣсъ, и *посажалъ починокъ на лѣсу*, потомъ къ нему приходили другіе вольные, охочіе, люди и ставили новые починки, такъ и при Петрѣ, одинокій старецъ углублялся въ лѣса, ставилъ *хижу* или келью, «пахалъ пашню кочерюгою и сѣялъ подъ гарью». Потомъ къ нему приселялись другіе, третьи и т. д. Лѣсная скитская колонизація и культура раскольничья

ничья совершалась точно какже, какъ въ древней Россіи шла колонизація и культура, подъ вліяніемъ монастырей и пустынь. Вотъ напримѣръ, пришелъ въ Сѣверное Поморье, около 1691 года, старецъ Корнилій, сынъ земледѣльца изъ Тотьмы. Долго скитался онъ изъ пустыни въ пустыню, наконецъ поселился на рѣкѣ Выгѣ, въ особомъ скитѣ, на верховскихъ лѣсахъ. Около него приселился скитникъ, старецъ Сергій, съ молодою дѣвушкою, сестрою своею, и помогалъ въ работахъ старцу Корнилію. Слухи объ отшельникѣ старцѣ-Корнилiѣ распространились въ Поморьѣ.

И начали людіе — говоритъ «Исторія Выговской пустыни» — къ отцу Корнилію приходити отъ градовъ и волостей отъ гоненія; онъ же ихъ учаше древле-церковное благочестіе хранити, а отъ Никоновыхъ новинъ бѣгати и удалятися». И вотъ стали къ нему собираться выходцы изъ онежскихъ погостовъ, изъ нижегородскихъ лѣсовъ, изъ Москвы и изъ другихъ мѣстностей Россіи, гонимые преслѣдованіемъ старой вѣры, поселились по р. Выгѣ, на рѣчкѣ Ков-

жѣ, у Таго-озера, около погоста Маселги, у Воло-озера, у Тамбичь-озера, у Кодо-озера, у Викмозера. Пришелъ въ пустыню Выговскую и знаменитый въ исторіи раскола Андрей Денисовъ, изъ Повѣнца, и поселился съ товарищемъ своимъ Иваномъ Бѣлоутовымъ, между озерами Таго и Бѣлое. «Въ чащехъ лѣса скитающеся—такъ разсказываетъ «Исторія Выговской пустыни» о первоначальномъ поселеніи Андрея Денисова—богородное оное и самоизлюбленное начинаютъ житіе: ни стѣны, ни покрова отъ зимнія студени имуще, огненнѣй точію пресѣдяще нудіи и отъ принесенныхъ со собою потребъ мало вкушающе. Зимнему же пришедшу времени и весеннимъ солнцемъ озаряемымъ днемъ начинающимся, келію себѣ малу соградиша, между двѣма езерами, ею же едино Тагозеро именуется, другое же Бѣлое нарекается. На таковомъ пустомъ вселившеся мѣстѣ, гору точію сожительницу и ручей себѣ сосѣда избраша». Потомъ, соединившись въ одинъ скитъ съ Даниломъ Викулинымъ, Андрей Денисовъ съѣздилъ домой, увезъ отъ отца своего «вещь честну же и тяжко-цѣнну,

сестру свою любезнѣйшую дѣвицу Соломонію». Начались въ кружкѣ собравшейся братіи новые труды: постройка жилищъ, расчистка лѣса подъ пашню. Услышалъ объ этомъ неподалеку живвшій скитникъ Захарій Степановъ и явился къ нимъ на лыжахъ приглашать къ себѣ. Этотъ скитникъ удалился съ отцомъ своимъ, матерью и сестрами въ пыстыню «отъ гонительнаго мученія и мірскаго смущенія» еще въ 1691 году. Онъ былъ житель прежде Толвуйской волости. Мѣсто на р. Выгѣ, гдѣ поселился Захарій, было покрыто густо лѣсомъ: сосною и ельникомъ по обѣимъ берегамъ рѣки. Весною они обрубили сучья у деревьевъ по берегу на значительное разстояніе и зажгли; время было сухое, лѣсъ разгорѣлся, деревья повалились, и новые жители на огневищѣ начали хлѣбъ сѣять, мѣшая рожь съ ячменемъ. Захарій перезвалъ къ себѣ все общество Данилы Викулова. «И собрашася всѣ на мѣсто—говоритъ Выговская Лѣтопись,— и помолившеся Богу и пѣша молебенъ на мѣстѣ и начаша бревенъ сѣщи вальнягу, около того мѣста». Началась въ широкихъ размѣрахъ об-

стройка Выговскаго общежительства. Данила Викуловъ былъ «собиратель братству». «И поживши зиму и лѣто — продолжаетъ та же лѣтопись — труждахуся и на осень начаша бревны сѣщи... И начаша къ нимъ люди приходити изъ разныхъ мѣстъ и градовъ и оные же отцы Даніилъ и Андрей принимающе ихъ съ любовію и учаше... Но въ то время еще весьма скудно живуще, нужнымъ и скуднымъ пустыннымъ житіемъ... и съ волостей къ нимъ въ пустыню тогда еще не было дорогъ,—на лыжахъ съ керехами хождаху. И потомъ пріидоша два мужа съ Москвы вѣдущая писанія: единъ именемъ Прокопій Макарьевъ, другій Василій, иже послѣди въ иноческомъ чину Варлаамъ нарečеся и изъ другихъ мѣстъ иныя многія... начаша къ нимъ людіе приходите и умножатися, и пашни пахати по крежамъ и по лѣсамъ, суки сѣщи и палы прятати и хлѣбы не одни по кряжамъ имающе и кормящеся съ великою скудостью и нуждою пашнею своею, и начаша скотъ держати и дворы скотскіе поставили: конской дворъ на братской сторонѣ, а коровей на другой сто-

ронѣ у сестеръ... И бысть въ то время гладъ и хлѣбный недородъ и частыя зябели и годы зеленые не соспѣвали, и бысть у нихъ велія хлѣбная скудость и гладъ. И поставиша на Выгу мельницу, отъ монастыря за шесть поприщъ вверхъ рѣки, мелею и толчею, и начаша солому ржаную сѣщи и толочь на муку, и начаша хлѣбы соломянные ясти, точію растворъ ржаной, а замѣсь весь соломянной муки; хлѣбы въ кучи не держалися, помеломъ изъ печи пахали властяжные бураки и коробки, и начаша такой хлѣбъ ясти, и такова скудость бысть тогда, что днемъ обѣдаютъ, а ужинать и не вѣдаютъ что, многажды и безъ ужина жили. И бысть велія скудость и нужда. Того ради и обрали тогда у всѣхъ въ братствѣ, что у кого съ собою изъ міру принесено было, деньги и серебряныя монисты и платья, и послаша Андрея Денисіева и съ нимъ своихъ людей, для промыслу хлѣбнаго въ Нижній, по Волгѣ, понеже въ то время тамо вельми хлѣбъ дешевъ былъ,—четверть въ двѣ гривны, тамо промышляюще хлѣбъ чрезъ добрыхъ людей въ милостыню просили и водою

привезоша въ Бадоги, изъ Бадогъ перевезоша на Вытегру, а съ Вытегры въ Пигматку лѣтомъ на суднѣ, а изъ Пигматки начаша оный хлѣбъ въ крошняхъ на себѣ носити въ монастырь и посящіе рожь пареную ядяху. И бысть въ то время въ монастырѣ велія скудость и нужда хлѣбная и всякихъ потребъ, а братство убо умножашеся уже числомъ до полуторыхъ сотъ человѣкъ и больше было мужеска пола и женска и малыхъ ребятъ, съ отцами и съ матерьми изъ міру приведенныхъ»... Такъ сначала Выговская община была бѣдна и неустроена, а потомъ всё болѣе-и-болѣе устроялась. Она называлась *монастыремъ* по старинному обычаю, когда *монастырями* назывались и погосты новгородскіе, какъ извѣстно изъ Писцовыхъ Книгъ». Въ существѣ же, Выговская община имѣла характеръ чисто - мірскаго согласія, похожа была на раскольничьи *слободы* — стародубскія, сибирскія и другія. Обитатели ея,—по словамъ Выговской Исторіи—*житейскимъ житіемъ* жили. И дѣйствительно, уже въ началѣ XVIII-го столѣтія весь матеріальный бытъ общины имѣлъ

мірское житейско-хозяйственное устройство. Въ Выговсвой обители были особыя кельи или мѣстроенія для «работныхъ людей», особое мѣсто, гдѣ «лучину щепати и дровни дѣлати», особая «келья чеботная швальня», особыя больницы—«немощнымъ людямъ и старымъ», особая «портнымъ швалямъ швальня», особое помѣщеніе для мастеровыхъ людей мѣдниковъ. Было скотоводство, и конскіе и скотные дворы. Были кирпичные заводы. Женскій скитъ, устроенный въ 26-ти верстахъ отъ выгорѣцкаго, на рѣкѣ Лексѣ, хотя былъ «съ Выгорѣцкимъ общежительствомъ въ общемъ питомствѣ», но имѣлъ и свое хозяйство, свои пашенныя и луговыя поля, своихъ работниковъ человѣкъ съ 30. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше устроялась Выговская община въ экономическомъ быту. Въ голодные годы, въ случаѣ хлѣбнаго недорода, Выговцы, какъ древніе Новгородцы и Поморцы, съ общаго совѣта, посылали надежныхъ людей на Низъ и въ другія мѣстности промышлять хлѣбъ и деньги. Андрей Деисовъ съ братомъ поѣхали въ Нижній и въ Москву, другіе поѣхали въ Новгородъ,

въ Псковъ, въ низовые города, въ Архангельскъ, другіе поѣхали на Мурманскій берегъ на рыбный промыселъ, закортомили выгорѣцкія рыбныя ловли и въ другихъ озерахъ... Въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на рѣчкѣ Чаженкѣ, взяли въ оброкъ пашенную землю, мѣрою шестнадцать верстъ во всѣ стороны. Промышленость развилась, и Выговцы стали богатѣть. У нихъ не только не было недостатка въ хлѣбѣ, но они стали продавать его. Андрей Денисовъ неутомимо путешествовалъ по дѣламъ торговымъ, пріобрѣлъ кредитъ, занималъ «на торгъ» деньги, закупалъ хлѣбъ и отсылалъ для продажи въ Петербургъ. На петровскихъ заводахъ и на Вытегрѣ, Выговцы имѣли свои постоялые дворы и амбары и «своихъ людей держаша для торгу и пріѣзду всѣхъ».

Такъ уже въ первое десятилѣтіе XVIII-го вѣка, несмотря на всѣ гоненія и невзгоды пустыня стала богатѣть. Такъ точно и другія раскольничьи общины, скиты и слободы, мало-помалу получали экономическое благоустройство. Но цвѣтущее саморазвитіе ихъ начинается соб-

ственно съ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія, когда капиталы и торговопромышленное процвѣтаніе раскольничьихъ общинъ пріобрѣтаютъ даже перевѣсъ надъ экономическимъ благостояніемъ многихъ православныхъ общинъ. Объ этомъ въ свое время будетъ рѣчь. А теперь обратимся къ тому, на что̀ еще роптали люди старой вѣры при Петрѣ.

Лишаясь многихъ торговъ и промысловъ въ городахъ и селахъ, народъ лишался при Петрѣ и многихъ естественныхъ матеріяловъ для промышленности. Казенное строительство имперіи развивало казенную монополію въ пользованіи естественными произведеніями. Такъ Докукинъ вопіетъ къ народу, что *древеса самыя нужныя въ дѣлахъ народныхъ повсюду заповѣданы быша*. Это вопль земскихъ людей противъ лѣсныхъ законовъ Петра. Петръ-Первый, какъ извѣстно, называя государство «своимъ, великаго государя, государствомъ», смотрѣлъ на лѣсъ, какъ на матеріалъ для «своихъ государевыхъ дѣлъ» и преимущественно для кораблестроенія. Отсюда появились *заповѣдныя* государевы лѣ-

са, и все вниманіе Петра обращено было на сбереженіе этихъ заповѣдныхъ лѣсовъ. Отсюда появилась строгая запретительная система, на которой основанъ цѣлый рядъ указовъ о лѣсахъ. Въ 1703 году Петръ велѣлъ во всѣхъ городахъ и уѣздахъ описать лѣса, отъ большихъ рѣкъ въ сторону на 50 верстъ, а отъ малыхъ, сплавныхъ, впадающихъ въ большія рѣки, на 20 верстъ. И вышло, такимъ-образомъ, какъ—найдено было по смерти Петра Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ,—что если пространство заповѣдныхъ лѣсовъ опредѣлить въ натурѣ, то, по близкому разстоянію рѣкъ между собою, едва ли находилось мѣсто, гдѣ бы не было заповѣдныхъ лѣсовъ. Дубъ, кленъ, ильмъ, вязъ, карачагъ, листвѣницу, сосну въ 12 вершковъ и больше запрещено рубить всѣмъ безъ исключенія и за всякое вырубленное дерево, кромѣ дуба, опредѣленъ штрафъ въ 10 рублей. За дубъ же, даже за одно дерево, и за большую порубку остальныхъ заповѣдныхъ деревъ, назначена смертная казнь. Лишаясь, такимъ-образомъ, самыхъ нужныхъ въ хозяйствѣ деревъ, народъ естественно былъ недоволенъ

указомъ Петра, потому-что онъ не былъ нисколько сообразенъ съ хозяйственными потребностями и обычаями народа; во многихъ случаяхъ народъ не могъ обходиться безъ дуба и другихъ заповѣдныхъ деревъ; крестьянину нужны на телѣги, сани, оси, полозья, обручи къ большимъ чанамъ, — дубъ, кленъ, вязъ, карачагъ, лиственица. И вотъ народъ рубилъ эти лѣса, несмотря на то, что они были заповѣдные. Зато — смертныя казни, кнуты, вырыванія ноздрей, и проч. Упорное нарушеніе закона ясно показывало, что законъ шелъ въ разрѣзъ съ жизненными хозяйственными потребностями народа. Но законъ о лѣсахъ шелъ-таки дальше. Наконецъ, издана была Петромъ подробная вальдмейстерская инструкція, въ которой сведены всѣ прежніе указы о заповѣдныхъ лѣсахъ, опредѣлены и заклеймены заповѣдныя породы деревъ, опять самыя нужныя для хозяйства народнаго, распредѣлены для храненія заповѣдныхъ лѣсовъ вальдмейстеры по рѣчнымъ системамъ; заповѣдные лѣса раздѣлены на звенья, къ нимъ приставлены драгуны и солдаты, а

если ихъ не было, пригонялись крестьяне для стороженья заповѣдныхъ лѣсовъ, и проч. Результатомъ всего этого были стѣсненіе и недовольство народа. Многіе заповѣдные лѣса стояли безъ всякаго употребленія корабельнымъ адмиралтействомъ, а народу строго запрещено было ими пользоваться. Вальдмейстеры и ихъ подчиненные, получая жалованье изъ штрафныхъ денегъ, бравшихся за порубку заповѣдныхъ лѣсовъ, притѣсняли народъ и назначали часто большіе штрафы за такія порубки, за которыя по инструкціи вовсе не слѣдовало взыскивать. Самое запрещеніе рубить лѣса безъ разрѣшенія вальдмейстеровъ, вело къ притѣсненіямъ народа, потому-что крестьяне, въ случаѣ нужды въ лѣсѣ, должны были бросать свои работы и ѣхать къ вальдмейстерамъ; а вальдмейстеры своими проволочками вводили крестьянъ только въ убытки. Вотъ почему и люди старой вѣры, люди народа, горько жаловались на то, что деревья самыя нужныя въ хозяйственныхъ постройкахъ и дѣлахъ повсюду были заповѣданы. Старовѣрамъ просторъ дремучихъ, темныхъ лѣсовъ и свобод-

ный входъ въ нихъ тѣмъ болѣе былъ нуженъ, что ихъ въ то время гнали, имъ нужно было снова, какъ было встарину, идти въ лѣса съ топоромъ, косой и сохой, снова сажать, «поставлять починки на лѣсѣхъ».

Лишаясь свободной матеріальной жизни, земство съ XVII вѣка, и окончательно при Петрѣ, лишалось свободнаго земскаго самоуправленія — городскаго и сельскаго. На это указывалъ Докукинъ народу, когда писалъ, что *издревле уставленныхъ градскихъ законовъ лишились, свободныя власти и чести отпадоша*. Это вопль о тѣхъ старыхъ временахъ, когда областныя общины, дѣлясь, на колонизаціонномъ основаніи, по городамъ жили и развивались, вмѣстѣ съ волостями, *на всей своей волѣ*, напримѣръ, *нравы свои отеческіе и законы и обычаи новгородскіе сохраняли*, когда, — по словамъ лѣтописи, — *Новгородцы изначала, и Смольняне, и Кіевляне, и Полочане и вся власти, яко же на думу, на вѣча сходились*, когда *вѣчевыя записи и грамоты, мірскія уложенья и заповѣди* были народными законами. Далѣе, вопль Докукина, вопль народный

о *свободныхъ властяхъ*—это грустное воспоминаніе о свободныхъ выборныхъ земскихъ властяхъ, о выборныхъ посадникахъ, объ излюбленныхъ головахъ и старостахъ, о выборныхъ земскихъ судьяхъ. Наконецъ, вопль объ *издревле установленныхъ градскихъ законахъ* есть, въ частности, вопль о тѣхъ *уставныхъ грамотахъ*, какія въ XVI-мъ вѣкѣ выпросили себѣ областныя общины, по которымъ онѣ свободно управлялись и *судились межъ себя* своими выборными головами, старостами и судьями, «кого сами межъ себя излюбили и выбирали», управлялись такъ, какъ *люба была справа всей ихъ землѣ*. Съ-тѣхъ-поръ, какъ не стало этихъ уставныхъ грамотъ въ городахъ, а повсюду управляли воеводы, съ-тѣхъ-поръ торговые и посадскіе люди съ сожалѣніемъ вспоминали про прежнюю свободу городскаго самоуправленія. Говорили самому царю: «Прежде въ городахъ твоихъ государевыхъ воеводъ не бывало, а посадскіе люди судилися сами межъ себя». Въ концѣ XVII-го вѣка и въ началѣ XVIII-го, торговые и посадскіе люди еще больше должны были вспоми-

нать о древнихъ уставныхъ грамотахъ, потому-что съ умноженіемъ Приказовъ, они терпѣли много бѣдъ и убытковъ отъ разныхъ приказныхъ властей и вѣдомствъ. Самъ Петръ писалъ въ указѣ 1699 года января 30-го, учреждая Бурмистрскую Палату: «Вѣдомы они, гости и купецкіе и промышленные люди, купецкими расправными всякими дѣлами, и его, великаго государя, окладными доходами и иными сборами въ разныхъ Приказахъ, и извѣстно великому государю учинилось, что имъ, гостямъ и гостиной сотни и всѣмъ посадскимъ и купецкимъ и промышленнымъ людямъ, во многихъ ихъ приказныхъ волокитахъ и отъ приказныхъ разныхъ чиновъ, отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разореніе, а иные оттого промысловъ своихъ отбыли и оскудали». При такихъ страданіяхъ отъ приказныхъ властей и учрежденій, купецкіе и посадскіе люди поневолѣ должны были сожалѣть о старыхъ уставныхъ грамотахъ городскихъ, о своихъ свободныхъ выборныхъ властяхъ. И вотъ почему расколъ, устрояя новыя мірскія,

общинныя согласья, слободы и скиты, по старинным народным обычаям, по образцу сельских мірских согласій и сходов, организовал у себя свободное, выборное самоуправленіе и самосуд. В согласіях раскольничьих были «по выбору старосты и выборные с перемѣною ежегодно», выборные излюбленные наставники, выборные всѣ должностныя лица, были сходы, на которых всѣм согласіем «сдумавше межь собою», установляли что-нибудь. В важных случаях, в раскольничьих согласіях были общіе *соборы* или *общіе совѣты.* Все это внутреннее устройство самоуправленія уже слагалось при Петрѣ-Первом и в первой половинѣ XVIII-го столѣтія, несмотря на то, что в это время раскольничьи общины подвергались часто разореніям. Для примѣра послушаем разсказ выговскаго лѣтописца о выговском раскольничьем совѣтѣ, бывшем в 1738 году по случаю самаринской коммиссіи: «И составиша совѣт между собою... и собрашася со всего Суземска лучшіе люди во общежительство, начаша думати, что̀ сотворитк, овію

и ко страданію глаголаша готовитися... огню предаватися, а которые не хотятъ страдати, тѣмъ разбѣжатися, а въ руки имъ (слѣдователямъ) не даватися, кои еще хотяху пожити, а овію лучшіе людіе о семъ начаша отъ писанія разсуждати и препятствовати, что страдати не за что, и начаша въ писаніи разсматривати, и розыскивати, и читати всѣмъ вслухъ... и уговаривати, чтобъ не безсловесно страдати и упрямствовати, а въ чемъ можно отвѣтствовати и показати о своемъ житіи ясно, какъ кое мощно оправдатися, чтобъ не навести на себя и на прочихъ старовѣрцевъ безсловеснаго отъ ея императорскаго величества и напраснаго гнѣва прежде времени, и начаша думати и условишася всѣ лучшіе старцы Ѳеодосій, Варлаамъ и Іосифъ грамотные и писанія вѣдущіе Симеонъ Діонисіевъ, Трифонъ Петровъ и проч... и березовцы Иванъ Ивановъ, иконникъ Алексѣй, Ѳедоръ Семеновъ и проч., и желтопорожскіе Ефремовы, Ѳедоръ Леванидовъ, Ѳедоръ Петербурхской, и проч., и боровскіе жители Иванъ Давыдовъ, Венедиктъ Петровъ, Василій Даниловъ и проч., и салато-

зерскіе... и Ладожскаго скита Наумъ и Севастьянъ и прочіе многіе выборные и десятскіе, и изъ простыхъ грамотные и неграмотные жители, и положиша, что и въ тропаряхъ и въ стихахъ, какъ гдѣ напечатано въ книгахъ ея императорское величество поминать по нынѣшнему обыкновенію, хотя у первыхъ отцовъ се просто было, что о томъ нужды не было до сего времени, и о томъ не спрашивалось ни отъ кого, а въ нынѣшнее время нужда позвала, о семъ по клеветамъ спрашиваютъ и истязуютъ, что тѣми клеветами хотятъ всѣхъ старовѣрцевъ искоренити, того ради и писанія искати и почитати и творити, дабы церкви не вредити и на христіанъ на всѣхъ не навести напраснаго и безсловеснаго гнѣва и конечнаго всѣмъ разоренія и искорененія, и гонительства, и мучительства... И положиша у всѣхъ, что написати къ ея императорскому величеству челобитная, и отписати все свое житіе, какъ въ сей пустыни первые отцы завелися жити... дабы было за что и страдати. Тое всѣмъ пустыннымъ жителямъ было любо». На совѣтѣ этомъ всѣ Выговцы общимъ приговоромъ *запо-*

вѣдаша постъ и молебны всѣмъ жителямъ, также какъ встарину бывало, *староста и всей волости крестьяне*, на мірскомъ сходѣ, *обговорися сами промежь собою, учиняли заповѣдь*, напримѣръ, три года въ воскресенье «не дѣлать никакого дѣла чернаго, ни угодья въ воскресенье не угадовати, ни бѣлки не лѣсовати», и т. п.

Наконецъ, Докукинъ въ письмѣ своемъ къ народу жалуется на то, что *слова и званія нашего славянскаго языка измѣнили*, и упрекаетъ современное, петровское поколѣніе, въ *лестныхъ ученіяхъ*. Это прежде всего нападки на иностранныя, нѣмецкія названія чиновъ при Петрѣ, а потомъ и вообще на тогдашнюю порчу русскаго языка нѣмецкими и латинскими словами и оборотами. На русскій слухъ, въ-самомъ-дѣлъ, дико звучали всѣ эти бергъ-коллегіи, мануфактуръ-коллегіи, ратгаузы, магистраты, регламенты, табели о рангахъ, губерніи съ провинціями и губернаторами, ланд-гевдинги, оберкомендапты, обер-ланд-рихтеры, камергеры, ландраты, ланд-секретари, бухгалтеры, вальдмейстеры, ланд-рентмейстеръ, ланд-и обер-фискалы, ланд-мейцы,

профоссы, ланд-шрейберы, кирхшпильфохты, и т. д. Кромѣ того, самый языкъ указовъ Петра — словно копія или переводъ съ нѣмецкаго — тяжелъ, теменъ, совершенно-отличенъ отъ языка не только живаго народнаго, но и отъ языка грамотъ и указовъ XVI и XVII столѣтій: то былъ языкъ точный, выразительный. Не даромъ при Петрѣ и авторъ «Тріязычнаго Лексикона», Поликарповъ, жаловался на примѣсь къ славяно-русскому языку множества иностранныхъ словъ.

А что касается до вопля Докукина противъ *лестныхъ ученій*, то это нападки на то ученіе, къ которому Петръ-Первый принуждалъ нѣкоторые классы народа. Это нападки не одного Докукина, а бо̀льшей части народа. Отъ ученья при Петрѣ и дворяне многіе бѣжали въ расколъ. Весьма-важно, однакожь, узнать причины, почему народъ не сочувствовалъ самому главному благу, какое хотѣлъ ему дать Петръ — ученію, просвѣщенію. Народу, кромѣ свободныхъ правъ ничто такъ не нужно было, какъ ученье, просвѣщенье. По причинѣ отсутствія науки, просвѣщенія, разумной сознательности въ древней Рос-

сіи, и многіе жизненнонародные, плодотворные, зиждительные зачатки земскаго строенья не получали раціональной, опредѣленной организаціи, просвѣщенной, сознательной осмысленности, выясненности и выражались въ грубыхъ формахъ. Таковы, напримѣръ, принципы вѣчей, мірскихъ сходовъ, земскихъ совѣтовъ, земскихъ соборовъ, земскихъ училищъ, земскаго значенія вопросовъ религіозныхъ, областной автономіи и федераціи, общинно-областной гласности, писцовой окладной системы, излюбленнаго выборнаго самоуправленія и самосуда, круговой поруки, суда въ присутствія *судныхъ мужей* и выборныхъ отъ міра, и т. п. Выразивши такой самородно-зиждительный архитектоническій тактъ въ земскомъ строеньи, земскій міръ, народъ—нуждался въ научномъ просвѣщеніи и осмысленіи своего непосредственно-натуральнаго жизненнаго творчества. А вотъ онъ бѣжитъ въ расколъ отъ науки Петра. Почему же, однако? Взглянемъ, хоть бѣгло, на школы Петра.

Петръ-Великій, какъ геніальный государь, основатель имперіи, смотрѣлъ на науки чисто

съ государственно-устроительной точки зрѣнія, какъ на средство для уясненія, распространенія и осуществленія его идей объ имперіи, о разныхъ его нововведеніяхъ и учрежденіяхъ для имперіи. Онъ не заботился собственно объ образованіи народа, земства для его частной и общественной жизни, а заботился объ образованіи искусныхъ слугъ имперіи, исполнителей его идей. Онъ не заботился о просвѣщеніи, образованіи русскаго *человѣка*, а ему нужно было образовать себѣ изъ русскаго прежде всего *служилаго* человѣка, напр. инженера, морехода, мастера, дьяка, служащаго церковника, медика, счетчика, и т. д. — всѣхъ для службы. Съ этою цѣлью имъ основаны были всѣ элементарныя школы: *духовныя* — для образованія церковниковъ *во надежду священства*, для *службы* церковной; *инженерная школа*, основанная въ 1712 г. въ С. Петербургѣ для образованія изъ дворянскихъ дѣтей инженеровъ; *цифирныя школы* для обученія «цифири и нѣкоторой части геометріи дворянскихъ и приказнаго чина дьячихъ и подьячихъ дѣтей отъ 10 до 15 лѣтъ, опричь однодворцовъ», для об-

разованія служилыхъ счетчиковъ, бухгалтеровъ и чиновниковъ; *навигаціонныя школы* — для образованія моряковъ; *медицинскія и хирургическія школы*—для образованія медиковъ, преимущественно военныхъ, полковыхъ. Для изученія этихъ же наукъ, и съ тѣми же служебными государственными цѣлями, Петръ посылалъ молодыхъ людей за границу.

Утѣшаясь строительствомъ кораблей на Балтійскомъ морѣ и пированьемъ въ нѣмецкихъ платьяхъ, Петръ мечталъ о будущемъ переселеніи всѣхъ наукъ въ Россію. «Кто бы могъ подумать, братцы — говорилъ онъ въ 1714 году въ Ригѣ, осушая чару вина на новоспущенномъ кораблѣ — кто бы могъ думать назадъ тому 30 лѣтъ, что вы, Русскіе, будете со мною здѣсь, на Балтійскомъ морѣ, строить корабли и пировать въ нѣмецкихъ платьяхъ? Историки — прибавилъ онъ — полагаютъ древнее сѣдалище наукъ въ Греціи: оттуда перешли онѣ въ Италію и распространились по всѣмъ землямъ Европы. Но необразованность нашихъ предковъ помѣшала имъ проникнуть дальше Польши, хотя и Поляки

находились прежде въ такомъ же мракѣ, въ какомъ сперва были и всѣ Нѣмцы, и въ какомъ мы живемъ до-сихъ-поръ... Это движеніе наукъ на землѣ сравниваю я съ обращеніемъ крови въ человѣкѣ: и мнѣ вѣрится, что онѣ опять когда-нибудь покинутъ свое мѣстопребываніе въ Англіи, Франціи и Германіи, и перейдутъ къ намъ на нѣсколько столѣтій, чтобы потомъ снова возвратитьея на свою родину, въ Грецію».)

Между-тѣмъ, ~~какъ~~ Петръ ~~мечталъ о далекомъ, несбыточномъ будущемъ~~, ~~въ свое время~~, для образованія русскаго народа, собственно массы народной, нужно правду сказать, ~~онъ~~ ничего не сдѣлалъ. Учредивъ школы по городамъ, и то не по всѣмъ, для образованія только церковниковъ въ надежду священства, для образованія касты духовной, да дворянъ и дьяковъ для образованія касты дворянской, военно-служилой, чиновничей, Петръ не основалъ школъ по селамъ или волостямъ, не основалъ школъ грамотности народной, школъ для разсѣянія въ народѣ миѳологическихъ суевѣрій, византійско-восточныхъ понятій семейныхъ и общественныхъ, для распро-

страненія въ массѣ народной элементарныхъ, общечеловѣческихъ, естественныхъ и гуманныхъ понятій. Умственная жизнь массы народной прошла черезъ всю петровскую эпоху совершенно тою же, какою была въ XVII вѣкѣ. Европейски-просвѣтительное вліяніе Петра нисколько не существовало и не существуетъ для огромной массы крестьянства, мѣщанства и даже большей части купечества. Въ этомъ отношеніи вполнѣ справедливы слѣдующія слова Тургенева о Петрѣ: « Il fit peu pour l'instruction populaire, et l'on ne voit pas qu'il se soit beaucoup occupé d'etablir des écoles de differents degrés destinées à l'enseignement des masses».

Вслѣдствіе этого, и народъ не сочувствовалъ школьному ученію Петра. Главныя причины этому были двѣ. Во-первыхъ, не давши народу свободныхъ правъ матеріальнаго обезпеченія, отрывая его отъ торговъ и промысловъ на казенныя работы и службы, обременяя податями и разными сборами, Петръ хотѣлъ силой заставить учиться цифири, нѣкоторой части геометріи, и т. п. Онъ велѣлъ брать въ школы дѣтей отъ 10 до 15-ти

лѣть, безъ всякаго согласія родителей, черезъ военный приказъ. Если родители противились, то ихъ сажали подъ караулъ, либо въ тюрьмы, заковывали въ кандалы, а дѣтей съ солдатами отправляли въ школы. Положимъ, что при грубомъ невѣжествѣ народа, эти слишкомъ-крутыя мѣры при Петрѣ могли казаться неизбѣжными. Однакожъ, справедливость требуетъ и то сказать, что жизнь народная была правѣе Петра: родители часто не отдавали своихъ дѣтей въ школы просто по естественной невозможности, по крайней бѣдности. Крестьянинъ Посошковъ, въ своемъ прекрасномъ сочиненіи «О скудости и богатствѣ», начерталъ намъ печальную картину тогдашней бѣдности народа, когда громадныя реформы Петра поглощали у него и доходы и рабочія силы. Самъ Петръ во многихъ своихъ указахъ изображалъ въ самомъ жалкомъ видѣ экономическій бытъ народа, особенно при тогдашнемъ ненасытимомъ корыстолюбіи и грабительствѣ приказнаго начальства. При бѣдности народной, естественно, не всегда-то сносно было родителямъ лишаться лишнихъ рабочихъ силъ,

отдавая дѣтей безъ пользы въ школы. Вотъ почему, напримѣръ, въ 1720 г., посадскіе люди Вологды, Устюга, Каргополя, Калуги и многихъ другихъ мѣстъ, представляли Сенату, что отбираніе дѣтей изъ круга семейнаго подрываетъ торговлю, останавливаетъ успѣхи въ промышленности, и разрушаетъ благосостояніе домовъ дотолѣ богатыхъ и цвѣтущихъ, а бѣдныхъ лишаетъ и послѣднихъ силъ добывать содержаніе семействъ.

Другая причина безплодности петровскихъ школъ для народа та, что система ученія въ нихъ была отвлеченна отъ жизни, отъ живыхъ, насущныхъ потребностей народныхъ. Главное: ученіе въ нихъ было военное, да чиновничье; если и преподавались «нужныя механичеекія хитрости», такъ преподавались не для собственно-хозяйственной жизни народа, а главнымъ образомъ для видовъ государства, правительства. Казенность правительственнаго школьнаго образованія отталкивала отъ него земскихъ людей. Казенная корпоративная раздѣльность, замкнутость и отвлеченность школъ отъ жизни, тоже нерасполагали къ нимъ народъ. Потомъ, во всѣхъ этихъ

училищахъ преподавался съ особеннымъ предпочтеніемъ латинскій языкъ, *како языкъ единоначальствія, lingua Imperii,* по словамъ Поликарпова. Между-тѣмъ, до 1721 года, въ школахъ петровскихъ не было грамматики не только русскаго народнаго языка, но и славянскаго; значитъ, непочему было и грамотѣ учиться. Только въ 20-ыхъ годахъ Петръ велѣлъ издать, хотя старую, славянскую грамматику Мелетія Смотрицкаго. Издатель ея, Поликарповъ, такъ говорилъ въ предисловіи о причинахъ неуспѣховъ народнаго обученія: «Оставляя премудрымъ о пользѣ, силѣ и дѣйствѣ граматическаго художества витійствовати, нынѣ вины отъ многихъ пѣнія сего новопечатнаго грамматическаго изданія вкратцѣ простымъ словомъ изъявляю вашему любомудрію. Первая, понеже непостижимымъ промысломъ Создателя нашего Бога, изволися любомудрѣйшему всероссійскому нашему монарху Петру, того имене и высокихъ дѣлъ первому, чрезъ неусыпное его царскаго величества тщаніе, преславное и православное свое государство, якоже и *иными военными* высокими

науками и всякими нужными механическими хитростями украсити и обогатити, тако и *седьми свободныхъ наукъ еллино-греческа и латинска* діалектовъ училищами наполнити. А *славянская грамматика* въ тѣхъ училищахъ *не преподаяшеся* за оскудѣніемъ сихъ книгъ, и отъ сего нужда зависитъ учащимся не малая. Вторая: яко любомудрыхъ россійскихъ отроковъ мнози нынѣ различныхъ ученій цвѣты, изъ нихъ же бы могли себѣ и прочимъ оныхъ желателямъ на словенскомъ діалектѣ сотъ, преводомъ своимъ отъ различныхъ языковъ, представити, но основательнаго къ переводу орудія (грамматики) лишающеся, и *сами множицею того не получаютъ* и иныхъ не удостоятъ оныхъ наукъ доброту и силу видѣти» и проч. Изъ этихъ немногихъ словъ издателя грамматики при Петрѣ можно судить и о томъ, почему народъ, съ своимъ простымъ, богатымъ, естественнымъ живымъ языкомъ, не могъ вовсе и грамотѣ учиться по такимъ обветшалымъ, ненароднымъ славянскимъ грамматикамъ, какъ Смотрицкаго, и притомъ въ такомъ тяжеломъ, варварскомъ по языку изданіи Поликарпова:

Народъ сочувствовалъ своему, народному. Не сочувствуя казеннымъ, правительственнымъ школамъ Петра, народъ сочувствовалъ ученью живому, своимъ однокровнымъ, доморощеннымъ грамотникамъ. Расколъ былъ живымъ народнымъ ученьемъ, и многочисленныя массы народа отъ всего сердца предавались ему. Въ то время, какъ Петръ основывалъ школы только для духовенства, да для дворянства, расколъ сталъ живымъ, повсемѣстнымъ училищемъ для огромной массы простаго народа—для крестьянства, мѣщанства, купечества и солдатства, взялъ на себя миссію, пропаганду учительства народнаго. И путь ученья, избранный расколомъ, самый естественный, прямо направленный и какъ-нельзя-болѣе споспѣшествующій цѣли — путь странствующей миссіи учительства, разсылка наставниковъ по всѣмъ областямъ, по городамъ и селамъ. И эти странствующіе грамотники, наставники раскола, несравненно съ большимъ успѣхомъ распространяли въ массѣ народной и грамотность, и свое ученье, чѣмъ правительственные учители казенныхъ, замкнутыхъ, кор-

поративныхъ школъ, потому-что они сами выходили изъ того же самаго народа, который учили, были плоть отъ плоти, кровь отъ крови. Потомъ ученье ихъ было прямо-жизненно, симпатично для массы народной, говорило прямо въ пользу ея. Оно возводило въ доктрину не отвлечено-нѣмецкія идеи, а горькія данныя, опыты современной народной жизни и участи подъ гнетомъ реформъ. Оно хотя въ то же время поддерживало суевѣрія, занимало народъ пустыми религіозно-обрядовыми вопросами, но все это въ ученьи раскола получало своеобразную народную переработку. Расколъ развивалъ свою догматику, допускалъ полную свободу мнѣній, толковъ, согласій. Онъ не чуждался и западно-европейскихъ идей и ученій: у него были расколоучители иноземные. Таковъ, напримѣръ, нѣкто Вавило, о которомъ Денисовъ писалъ: «бысть родомъ иноземецъ, вѣры лютерскія, глаголати и писати учися довольновременно въ славнѣй парижстѣй академіи, искусенъ бысть въ реторикѣ, логикѣ, философіи и богословіи; зналъ языки латинскій, греческій, еврей-

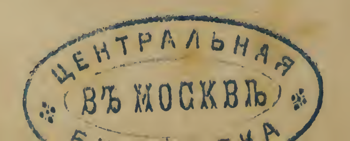
скій и славянскій». Расколъ будилъ, вызывалъ своеобразную народную мыслительность. Въ то время, какъ въ православныхъ общинахъ весьма-мало было грамотныхъ, въ раскольничьихъ общинахъ рѣдкій былъ неграмотный. Много было грамотныхъ женщинъ и дѣвицъ. Въ то время, какъ православный мужичокъ мало думалъ, почти ничего не зналъ, не писалъ, не сочинялъ, мужички-раскольники работали мыслью, учили, писали, сочиняли, хоть что бы тамъ ни было на первый разъ. Въ высшей степени многозначительный фактъ въ народной исторіи, что расколъ возвышалъ, поднималъ нравственное человѣческое достоинство мужичковъ нашихъ; возводилъ ихъ на степень учителей, наставниковъ, писателей въ то время, когда у нихъ отнимали прежнія права, продавали поодиночкѣ отрывая отъ семействъ. Точно такъ же и женщинъ расколъ возводилъ, равноправно съ мужчинами, въ достоинство *наставницъ*. Расколъ далъ имъ знать, въ лицѣ многихъ своихъ наставниковъ, что богатыя, могучія дарованія, таланты, или, какъ говоритъ народъ, *самородки* нашего крестьян-

ства и всего простаго народа просились къ проявленію своихъ силъ, и нигдѣ не находили простора, исхода, кромѣ раскола, и что вообще въ массахъ нашихъ въ XVIII-мъ вѣкѣ, въ глуши, въ захолустьяхъ широкой имперіи, подъ гнетомъ житейскимъ и государственнымъ, гибло множество Посошковыхъ, Ломоносовыхъ, которые только въ расколѣ и находили себѣ хоть какую-нибудь дѣятельность: недаромъ и самъ Ломоносовъ, преобразователь умственной жизни Россіи, создатель русской науки и литературы, «родитель» перваго русскаго университета — московскаго, борецъ съ Нѣмцами въ россійской академіи, и Ломоносовъ съ-молода былъ въ расколѣ.

Взявъ на себя миссію учительства народнаго, раскольничьи согласія, по возможности, учреждали у себя и школы. Напримѣръ, въ «Исторіи Выговской Пустыни» читаемъ: «И начаша къ нимъ люди приходити съ разныхъ мѣстъ и городовъ, а оные же отцы Даніилъ (Викулинъ) и Андрей (Денисовъ) принимающе ихъ съ любовію, и учаще, и наказующе... *молодыхъ и дѣтей обоего пола учаху грамотѣ*». Въ Выговской же

пустынѣ была школа искусныхъ писцовъ для списыванія и распространенія раскольничьихъ книгъ, школа пѣвцовъ для снабженія ими раскольничьихъ часовень, и молитвенныхъ домовъ, школа искусныхъ живописцевъ, и богатое собраніе старыхъ письменныхъ и печатныхъ, учительныхъ и историческихъ книгъ, лѣтописей, сборниковъ, и т. п. Всѣ эти способы ученія—библіотеки и разныя школы — особенно стали развиваться у раскольниковъ со второй половины XVIII и въ первой половинѣ XIX-го столѣтій. Въ согласіяхъ, скитахъ, слободахъ раскольничьихъ, на первой же порѣ появилось много людей *искусныхъ писанью*, весьма-даровитыхъ, начитанныхъ, самородныхъ, своеобразныхъ народныхъ писателей. Были свои богословы, какъ напримѣръ, протопопъ Аввакумъ, смѣло и своеобразно разсуждавшій о Троицѣ, народнымъ, крестьянскимъ языкомъ писавшій свои догматическія письма. Были свои полемики, какъ московскій архимандритъ Спиридонъ (ск. 1655 г.), попы Лазарь и Никита, соловецкій келарь Азарій и черный попъ Геронтій и другіе. Были свои ис-

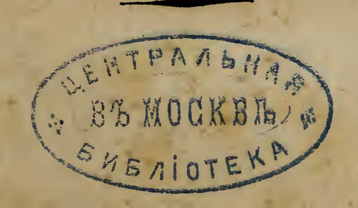
торики, какъ Андрей и Семенъ Денисовы, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были и богословами и полемиками; Иванъ Филипповъ — авторъ «Исторіи Выговской Пустыни». Были даже свои поэты. И нужно сказать, что въ XVIII-мъ столѣтіи народная поэзія только у однихъ раскольниковъ почти и развивалась. И послѣ пѣсень казачьихъ и разбойничьихъ, въ которыхъ тоже есть староверскіе элементы, пѣсни раскольничьи — самыя поэтическія пѣсни. У меня подъ руками есть нѣсколько раскольничьихъ стиховъ, которые современемъ будутъ напечатаны. Съ 1655 года до Петра-Перваго и даже до половины XVIII-го вѣка, въ раскольничьей письменности преобладаетъ религіозно-полемическое направленіе, вмѣстѣ съ историческимъ-повѣствовательнымъ. Со второй же половины XVIII-го столѣтія, когда раскольничьи согласія получаютъ территоріальную сосредоточенность, осѣдлость, начинаютъ немного-свободную гражданскую жизнь, и ученіе раскола становится на жизненно-народную почву, изъ нея развивается и получаетъ жизненныя данныя и силы; отвле-

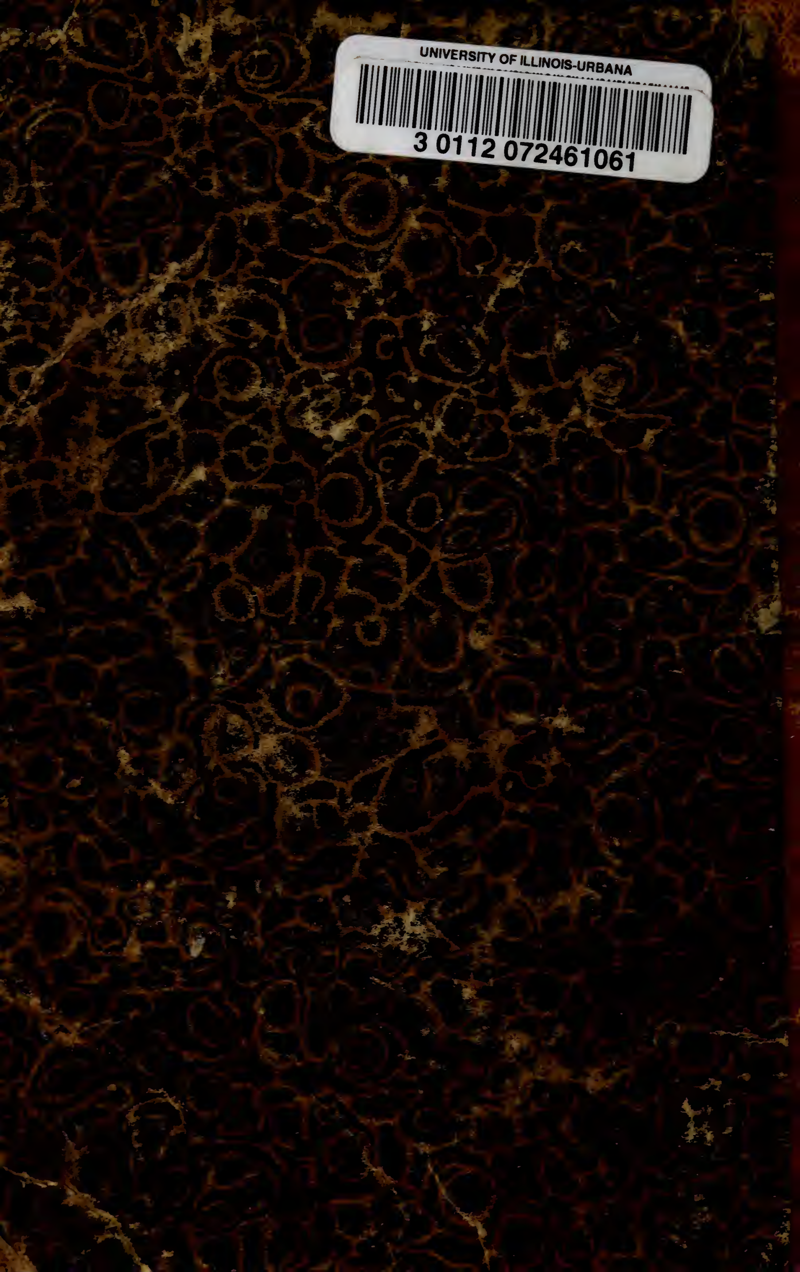


ченно-религіозный элементъ ослабѣваетъ, и вырабатывается чисто-политическое направленіе, только подъ формами религіозно-символическими. Но объ этомъ послѣ. А теперь, для характеристики раскольничьихъ писателей первой половины XVIII столѣтія, петровскаго времени, приведемъ слова выговскаго лѣтописца, Ивана Филиппова, о заслугахъ и достоинствахъ Андрея Денисова: «Все житіе свое въ сей пустыни препроводя въ добродѣтеляхъ богоугодно, изучивъ божественнаго писанія, прошедъ философское и риторское ученіе, и велій сказатель бысть словесъ божіихъ безъ книги изъ устъ, свободнымъ уча гласомъ всю братію: и толь сладостно бѣ ученіе его, яко всѣ послушающе прилежно внимаху. На праздники же всѣ по совершеніи всенощныхъ пѣній, простираше праздничная златоструйная словеса ученія, яко хитрориторски преизобильно украшаше и все богатно свѣтлыми словесы и дивными обогащаше. Все ученіе его достойно было бы писанію предати. Егда же о праздницѣхъ краснославная и пресладкая сотворши бесѣды: тогда наконецъ прилагаше нра-

воученіе преизрядное... Ими же всякій умъ жестокій, всякую нечувственную и каменную душу къ Богу возводя, тѣмъ же и языкъ его пресладкій чуднѣйшій орѳеовы баснословляемыя цѣвницы показася, небо, горы и каменіе привлачаше къ себѣ, но каменно-сердечные человѣки отъ земли на небо славно влечаше: воспоминаше бо въ нравоученіяхъ своихъ вся страсти человѣческія и учаше, какъ подобаетъ праздновати и каковымъ быти христіанамъ, яко не именемъ именоватися точію достоитъ, но и житіемъ украшатися добродѣтельнымъ, отъ грѣховъ и страстей удалятися, отъ грѣхопадныхъ мѣстъ отпадати, покаяніемъ же себѣ очищати и чисто и цѣломудренно жити, блуда бѣгати, скверны плотскихъ удалятися, и тако ученіемъ своимъ всѣхъ слушающихъ въ плачъ приводя и въ умиленіе влагая и на покаяніе согрѣшающіе понуждая: толико бо хитръ и сладостенъ бѣ словомъ, яко никто инъ таковъ обрѣтается въ нынѣшнихъ христіанѣхъ... яко и впредь не чается таковъ быти... Въ юности же своей; егда ѣздяше въ Москву и въ Санктпитербурхъ и въ Кі-

евъ, тогда тамо изучися добрѣ грамматическому и риторскому ученію, также и прочихъ учаше, брата своего Симеона и Трифона Петрова и иконника Даніила и Никифора Симеонова и прочихъ, иже изучишася отъ него тому же художеству, кійждо по силѣ своей, чтобъ право писати и добрѣ глаголати, знати силу святаго писанія и догматы церковные и укрѣпляти и прочихъ и братію въ православной христіанской вѣрѣ.. Того (Андрея) всѣ сладцѣ славяху и дивляхуся и гражданскія персоны и отъ внѣшнихъ славніи мужи ритори похваляху и въ славѣ словесъ прелюбезно восхваляху и бесѣдовати съ нимъ желаху: и нѣкогда въ бесѣдѣ высокія персоны другъ съ другомъ послѣ смерти Андреевой бесѣдоваша объ немъ и восхваляюще и вопрошающе у прилучившагося ту общежителя Андреевой киновіи: «Еще ли у васъ другой Андрей остался таковъ, въ разумѣ и въ книжной премудрости и въ ученьи? И сами другъ другу отглаголаша: негдѣ взять и не сыскать и во всѣхъ старовѣрцахъ, и нѣтъ и впредь не будетъ»!




UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 072461061